

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ЦЕНТР УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск 4

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ЦЕНТРА
ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

**АНАЛІТИЧНІ ОГЛЯДИ ЦЕНТРУ
ВИВЧЕННЯ ЦЕНТРАЛЬНОЇ І
СХІДНОЇ ЄВРОПИ**

Выпуск 4

ПРОБЛЕМИ І ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ЦЕНТРАЛЬНОЇ І
СХІДНОЇ ЄВРОПИ: ІСТОРІЯ І СУЧАСНІСТЬ

Воронеж
2006

УДК 327
ББК 63.3
П 78

Рецензент:
д.и.н., проф. А.А. Лютых
Воронежский государственный университет

Редакционная коллегия:

д.п.н. А.А. Слинько, к.и.н. М.В. Кирчанов, к.и.н. О.Ю. Михалев

Проблемы и тенденции развития Центральной и Восточной Европы: история и современность (Аналитические обзоры Центра изучения Центральной и Восточной Европы. Вып. 4) / ред. М.В. Кирчанов, О.Ю. Михалев. – Воронеж: ФМО, Центр изучения Центральной и Восточной Европы, Центр украинских исследований, 2006. – 38 с.

В выпуск вошли статьи исследователей из университетов России, Молдовы, Украины, посвященные проблемам трансформационных процессов, политической истории, истории международных отношений в Центральной и Восточной Европы. Сборник предназначен для преподавателей университетов, студентов-славистов, аспирантов и всех интересующихся проблемами Центральной и Восточной Европы.

Редакційна колегія:

д.п.н. О.О. Слінько, к.і.н. М.В. Кирчанів, к.і.н. О.Ю. Міхальов

Проблеми і тенденції розвитку Центральної і Східної Європи: історія і сучасність (Аналітичні огляди Центру вивчення Центральної і Східної Європи. Вип. 4) / ред. М.В. Кирчанів, О.Ю. Міхальов. – Вороніж: ФМВ, Центр вивчення Центральної і Східної Європи, Центр українських студій, 2006. – 38 с.

До числа увійшли статті дослідників з університетів Росії, Молдови, України. Статті присвячені проблемам трансформаційних процесів, політичної історії, історії міжнародних відносин в Центральної і Східної Європи. Разрахована на викладачів університетів, студентів-славистів, аспірантів і всіх, хто цікавиться проблемами Центральної і Східної Європи.

- © Авторы, 2006
- © Воронежский государственный университет, 2006
- © Факультет международных отношений, 2006
- © Кафедра международных отношений и регионоведения, 2006
- © Центр изучения Центральной и Восточной Европы, 2006
- © Центр украинских исследований, 2006

СОДЕРЖАНИЕ / ЗМІСТ / CONTENTS

А.Г.ЦЫМБАЛ

КОНЦЕПЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ В 1921 – 1939 ГГ

Максим КИРЧАНІВ

ДИСКУРСИ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ІНТЕГРАЦІЇ ЛАТВІЙСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ

Igor CAȘU

BORDERLAND IDENTITIES AND “INVENTION OF TRADITION”: THE CASE OF
SOVIET MOLDAVIA

Дмитро БОНДАРЕНКО

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС УКРАИНЫ: ЕС ИЛИ ЕЭП?

Андрей АНУЧИН

ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И
ЭФФЕКТИВНОСТИ: ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

Игорь ДЕРБУЛОВ

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ И СУБРЕГИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А.Г.ЦЫМБАЛ
**КОНЦЕПЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ В 1921 – 1939 ГГ**
(на примере Православной Церкви)

Польская Республика в межвоенный период была государством многонациональным и многоконфессиональным. Особенно остро на протяжении 1921 – 1939 гг. стоял вопрос о положении Православной Церкви. Данная проблема была связана с целым комплексом отношений между государством и Католическим Костелом, имела международный аспект, а также затрагивала политику в отношении национальных меньшинств, так как большинство верующих составляли белорусы, украинцы и русские. Согласно конституциям 1921 и 1935 гг., Рижскому мирному договору 1921 г., а также малому Версальскому трактату, подписанному на мирной конференции в Париже, Польша обязывалась обеспечить права национальных меньшинств, оказавшихся в её границах. Гарантом исполнения статей трактата стала Лига Наций[1, с.17].

В основе конфессиональной политики Польши, лежало убеждение, разделяемое ведущими политическими партиями, что государство должно опираться на народное единство, цементирующим фактором которого является именно вероисповедание. Была выбрана модель национально – государственного строительства, где главную роль играет религия. Из этого вытекали польские государственные интересы, которые связывались с распространением и укреплением римско – католического вероисповедания. Эту общенародную веру власти стремились тесно связать с патриотизмом. Точка зрения на католицизм, как на главную ценность, основополагающий элемент народного единства, возникает с опыта приобретенного поляками во время господства российского царизма. Именно в то время католическая религия являлась фактором национальной принадлежности. Такое понимание роли религии в народе активно пропагандировал и костел. В

соответствии с этой концепцией государственности национальные меньшинства подлежали культурной, национальной и религиозной ассимиляции. В связи с этим представляется интересным изучение политики польских властей в отношении Православной Церкви.

С начала независимости Польское государство стремилось к провозглашению автокефалии Православной Церкви. Власти стремились избежать ошибок прошлого, когда церковь была зависима от определенных центров за границей, что давало соседям основания и возможность вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой. Вопрос автокефалии решался путем давления на епископат и дипломатические контакты с Московским Патриархом. В 1921 г. Патриарх Тихон назначил архиепископа Георгия Ярошевского, сторонника автокефалии, экзархом Польши. С его согласия в январе 1922 г. правительством были утверждены «Временные правила об отношении правительства к Православной Церкви в Польше» [2, с.20]. После того как в Москве в мае 1922 г. власть в церкви перешла к Церковному Комитету, а Патриарх Тихон был арестован, польские власти решают ускорить решение этой проблемы. В июне 1922 г. состоялся Собор епископов, перед началом заседаний которого выступил с речью министр религиозных исповеданий и публичного просвещения Антоний Пониковский. Он высказал пожелания правительства, чтобы в связи с изменениями в церковной власти в Москве, епископы провозгласили автокефалию Православной Церкви в Польше. Голосами митрополита Георгия, архиепископа Дионисия и епископа Александра, против голосов епископов Елевферия и Владимира была принята следующая резолюция: “Собор православных иерархов, в результате церковной смуты и разрухи в России,

ничего не имеет против автокефалии Православной Церкви в Польше и готов работать на началах автокефалии, уверенный в хорошем сотрудничестве с Польским правительством на основе конституции, однако при условии, что Польское правительство получит благословление на автокефалию Константинопольского и других Патриархов, а также Глав автокефальных Церквей – Греческой, Болгарской и Румынской, а также Патриарха Московского, если последний вернется к власти и если Патриархат в России не будет ликвидирован” [3, л.19]. Воспротивившиеся автокефалии иерархи вскоре были выдворены за границу. Политика правительства в вопросе автокефалии и давление на епископов вызвали протест белорусских и украинских политических кругов, которые обвиняли власти в нарушении прав и дискриминации национальных меньшинств. В такой атмосфере недовольства православного населения 8 февраля 1923 г. дошло до убийства митрополита Георгия, чью политику считали грозящей гибелью для Церкви. На его место был избран архиепископ Дионисий, который в марте 1923 г. получил благословление Константинопольского Патриарха [4, с.158]. 11 ноября 1924 г. в Патриаршем Синоде в Константинополе был подписан указ о благословлении возникшей автокефалии Церкви в Польше, а 13 ноября Патриарх Григорий VII подписал специальный Томос о признании автокефалии Православной Церкви в Польше. Торжественное провозглашение автокефалии произошло 17 сентября 1925 г. в Варшаве.

Главные вопросы о правовом положении церкви и внутреннего устройства «Временные правила» регулировали следующим способом. Сохранялось синодально – консисторское устройство церкви и не допускался светский элемент к управлению церковью. Правовым представителем церкви стал собор иерархов под предводительством

эксарха, с юрисдикцией митрополита. В соответствии с ними власти предоставлялась возможность существенно влиять на внутренние дела церкви, особенно в кадровом вопросе. Регулировались также использования языка в церковных учреждениях, где предпочтение отдавалось польскому языку.

Однако способ провозглашения «Временных правил» рождал сомнения в их законности. Они были изданы распоряжением министра, в то время как, конституцией предусматривалось издание закона утвержденным парламентом. Таким образом, вопрос законодательного определения статуса Православной Церкви остался открытым.

Попытку решить данную проблему предпринял кабинет Владислава Грабского. В это же время велись переговоры с Ватиканом по вопросу заключения конкордата. Премьер, опасаясь осложнений в переговорах с Апостольской Столицей, занялся подготовкой закона о статусе и устройстве Православной Церкви, только после подписания конкордата. В апреле 1926 г. между митрополитом Дионисием и министром РИ и ПП Станиславом Грабским дошло до согласования проекта закона, однако произошедший в мае переворот сделал этот вопрос неактуальным. Церковные власти сочли сложившуюся политическую ситуацию выгодной для себя и выдвинули предложения не входящие в ранее согласованный проект закона. Таким образом, переговоры с правительством начались заново.

С проблемой правового положения Православной Церкви тесно связаны были и вопросы церковной собственности. Здесь свои интересы имел Католический Костел, который стремился к ревиндикации (возвращению) владений принадлежавших ему и Униатской Церкви и отобранных во времена царизма. Часть из них была передана Православной Церкви, оставаясь в собственности государства. Декретом от 16 декабря 1918 г. все имущество Православной Церкви, которое оказалось на территории Речи

Посполитой перешло в собственность Польского государства. Таким образом, Церковь не обладала правом собственности на земли и постройки, которые фактически использовались ею. Одновременно Церковь стала одной из сторон в споре о владениях, на которые также претендовало государство и Костел. Акция ревиндикации начатая Костелом сразу по окончании военных действий только обострила ситуацию. В начале 1924 г. на Холмщине и Подлясье дошло до столкновений между православными и католиками. Тогда премьер Владислав Грабский приказал остановить все ревиндикационные процессы до законодательного урегулирования положения православных святынь в Польше[5, s.53].

Характерным явлением во внутренней жизни Православной Церкви был вопрос о её национальном характере. Подавляющее большинство верующих были белорусы и украинцы, однако высшее духовенство было представлено в основном русскими, и именно это, наименьшее из национальных меньшинств задавало тон политике Церкви. Выступления белорусов и украинцев против русификационных тенденций епископата были сосредоточены в двух областях. Требовались введение в Церкви национального языка верующих и изменения внутреннего устройства Церкви. Первое требование касалось языка проповедей, церковного песнопения и обучения основам религии, второе предусматривало введения соборного устройства и выборности духовенства, в первую очередь епископов. Польские власти внимательно следили за процессами внутри Православной Церкви, формально занимая нейтральную позицию. Однако, на практике поддерживали позицию епископата, защищавшего синодально – консисторское устройство, так как он был выгоден для государства и позволял вмешиваться во внутренние дела церкви. Опыт первой половины 1920-х годов давал оптимистические прогнозы сотрудничества правительства и русской иерархии, в то время как украинизация или

белорусизация Церкви вынуждала бы поиск новых моделей взаимоотношений. Это так же означало бы усиление позиций белорусского или украинского национального меньшинства, чего власти не могли допустить.

Выборы 1928 г. открыли новый этап во взаимоотношениях лидеров майского переворота и обществом, изменялось и отношение государства к его непольским жителям. Ситуация неразрешенности накопившихся проблем способствовала росту более радикальных настроений как среди национальных меньшинств, так и росту националистических настроений среди поляков. Новые власти унаследовали три главные проблемы: устройства Православной Церкви, её прав собственности и национального характера.

5-6 июня 1927 г. несмотря на запрет церковных властей в Луцке состоялся Украинский Православный Конгресс. Принятые на нем постановления содержали требования введения соборного устройства церкви с участием верующих в церковном управлении, а также шаги в направлении украинизации церкви. Требования соборности поддерживали представители белорусской ориентации, выступающие за введение в церковь белорусского языка. Они также не признавали автокефалии Православной Церкви в Польше.

Внутренние конфликты в Церкви ставили правительство в трудное положение. Желая занять позицию нейтрального посредника, власти не могли высказаться однозначно против украинских или белорусских требований.

Основой дальнейших переговоров с Православной Церковью, по мнению правительства, мог быть только проект согласованный ранее Грабским и митрополитом Дионисием. Главные расхождения в позициях Министерства РИ и ПП и Синода, касались вопросов введения Григорианского календаря и прокуроров при консисторских судах. Однако новые требования, выдвинутые епископатом после майского переворота, по мнению властей,

выходили за границы положений конкордата с Ватиканом. Власти пришли к выводу, что митрополит не хочет окончания переговоров в опасении перед реакцией негативно в отношении него настроенных политических кругов в Церкви. Митрополит Дионисий давал понять, что он хотел бы, чтобы правительство октроировало закон, ставя церковные власти перед свершившимся фактом.

В правительственных кругах в этой ситуации существовали две программы действий. Круги, стремящиеся к быстрым решениям в национальном вопросе, предлагали решить вопрос о правовом положении Церкви односторонним актом государственной власти, такую позицию занимал министр РИ и ПП Антоний Суйковский. Противники такого решения, обращали внимание, что это было бы нарушением конституции, в соответствии с которой, отношение государства и Церкви должны быть урегулированы путем соглашения с её юридическими представителями. Предлагалось отсрочить законодательное урегулирование данной проблемы. Такая тактика должна была склонить церковные власти к более компромиссной позиции. В ноябре 1928 г. митрополит Дионисий согласился, чтобы разработкой проекта в внутреннем устройстве церкви и проекта закона о правовом положении занялось Министерство РИ и ПП, причем только эти проекты должны были стать основой для дальнейших переговоров.

Работа Министерства РИ и ПП продолжалась да начала 1930 г. Однако епископат пробовал взять инициативу в свои руки. Так родилась в 1929 г. без согласия правительства инициатива собрания общепольского православного собора. Его программа, однако, не затрагивала вопросов реформы внутренней жизни Церкви, а на нем должны были заняться обсуждением проблем взаимоотношений с Костелом, защитой от пропаганды неонунии, и вопросом открытия новых парафий.

В начале 1930 г. дошло до событий свидетельствующих о

появлении возможности нормализации статуса православия. Определенных договоренностей достиг сторонник украинизации Церкви и демократизации её внутреннего устройства Генрик Юзевский, который в декабре 1929 г. стал министром внутренних дел. Его переговоры с православным епископатом привели в апреле 1930 г. к сближению позиций, результатом чего было создание специальной комиссии, которая должна была разработать программу предсоборного собрания, главные положения собора и программу его работы. В её состав вошли представители власти и духовенства. Со стороны властей в её состав вошли директор Департамента Вероисповеданий Министерства РИ и ПП Ф. Потоцкий, начальник Восточного отдела МИД Т. Головка и начальник Отдела национальностей МВД Г. Сухенек – Сухецкий[6, s.133].

Деятельность комиссии привела к обращению президента Речи Посполитой от 30 мая 1930 г. призывающему митрополита Дионисия к созыву первого в возрожденной Польше Церковного Собора. Однако вновь начались долгие переговоры и подготовительные работы. Шли они в двух направлениях, предсоборное собрание разрабатывало положения, касающиеся внутренней организации церкви, а так называемая согласительная комиссия, куда вошли представители правительства и духовенства, председателем был митрополит Дионисий, занималась вопросами, требующими согласования с властями. Работы эти продолжались около восьми лет. В период до 1938 г. поддерживая законодательно не урегулированное положение церкви, власти продолжали политику использования русского элемента против национальных движений в церкви.

Слухи о возможном урегулировании положения Православной церкви обеспокоили католические круги. В феврале 1927 г. бискупы обратились к правительству с меморандумом, предупреждая, что договор с Церковью, заключенный без согласования с Костелом, не может

быть признан. В 1929 г. польские бискупы начали новый этап ревиндикации владений Православной Церкви. В суды было подано 755 исков против православных институций о возвращении бывших владений католических и униатских. Эта акция вызвала глубокое возмущение православного населения, голоса сомнения также звучали и из рассудительных католических кругов. В этой ситуации правительство решилось показать свое стремление защитить Церковь от посягательств Костела, проявлением этого стало ускорение работы над урегулированием правового положения Церкви. 20 ноября Высший Суд отказал Католическому Костелу в возвращении бывших владений судебным путем.

Еще в 1934 г. был создан Комитет по национальным вопросам, в состав которого вошли: премьер, министры внутренних дел, иностранных дел, вооруженных сил, вероисповеданий и сельского хозяйства. Целью его работы была подготовка концепции национальной политики и координация отдельных ведомств, а также пробуждения общественной инициативы по данному вопросу[5, s.208]. Первое заседание Комитета состоялось 20 декабря 1935 г. и было посвящено политике властей в отношении Православной Церкви. Было решено, что Церковь должна стать средством воздействия польской культуры на восточные земли, а не отстаивать национальные сепаратистские движения. Планировалось оставить в литургии старославянский язык (в староболгарском произношении), с одновременным введением при каждой возможности польского языка и недопущением использования в литургии белорусского или украинского языка. Все делопроизводство должно было вестись по-польски. Желая связать православное духовенство с польской культурой, Комитет решил, что обучение духовенства должно происходить в Варшаве, при ликвидации семинарий в Вильно и Кременце. Комитет признал, что

процесс полонизации православия должен исходить из армии[5, s. 209]..

Подобные решения были свидетельством нового подхода проблеме православия. Вслед за этими программными заявлениями пошла и практика. Выражалась она в препятствии украинизации и белорусизации Церкви и поддержке так называемого движения «православных поляков», а также давления на епископат в направлении постепенной полонизации Православной Церкви.

В конце 1934 г. Главное управление православного духовенства польской армии выступило с инициативой издания молитвенника на польском языке, на что получили благословление митрополита Дионисия. В это же время властями было инспирировано создание общественно – религиозного движения «православных поляков». Создание организационной структуры которого в Белостоке стало возможным благодаря назначению 15 апреля 1934 г. руководителем Гродненской епархии епископа Алексия Марценко. По его приказу в сентябре 1935 г. на польский язык было переведено делопроизводство консистории, а также он дал указание благочинным о частичном проведении богослужений и преподавания основ религии по-польски[10, л. 65].

9 декабря 1934 г. в Белостоке состоялось собрание поляков православного вероисповедания. Председатель Александр Савицкий зачитал резолюцию с требованием проведения проповедей на польском языке. А в апреле 1935 г. в Белостоке было зарегистрировано объединение «Дом православных поляков имени Юзефа Пилсудского»[11, с. 25]. В 1936 г. на Гродненскую кафедру был назначен епископ Сава Советов, который за несколько месяцев довел до создания в Гродно «Дома православных поляков имени Стэфана Батория», торжественное открытие которого состоялось в феврале 1937 г. [12, арк. 36 - 39]. В скором времени подобные организации появились в Слониме, Волковыске и Новогрудке.

В 1938 г. в епископский сан были приведены два военных капеллана в

звании полковников, которые считали себя поляками: Тимофей (Ежи Шреттер) и Матвей (Константин Семашко). Эти епископы начали интенсивную работу по изменению культурного облика Православной Церкви в Польше[5, с.104].

Проект закона об отношении государства к Православной Церкви в Польше был представлен 3 декабря 1936 г., а соглашение с епископатом было достигнуто только 8 апреля 1937 г. Окончательная редакция появилась только в январе 1938 г., когда была закончена работа над законом о землях, которые раньше принадлежали униатской церкви. В это время Сейм принял проект закона вносенного правительством о наделении президента полномочиями издания декрета об отношении государства к Православной Церкви. Таким образом было решено избежать парламентский путь, так как власти опасались, что проект правительства вызовет критику в Сейме, особенно среди депутатов от национальных меньшинств.

7 ноября 1938 г. Синод ознакомился с проектом декрета президента и признал, что он целиком соответствует устройству Церкви и отражает её интересы. Одновременно правительству был представлен проект внутреннего статута Православной Церкви, а 19 ноября был опубликован "Декрет Президента Речи Посполитой от 18 ноября 1938 г. об отношении Государства к Польской Автокефальной Православной Церкви" [11, s. 184].

10 декабря 1938 г. распоряжением Совета Министров был утвержден "Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви", а 23 июня 1939 г. утвержден закон об юридическом положении собственности Церкви, за которой признавалось право собственности на земли по положению на 19 ноября 1938 г.

Урегулирование правового статуса православия не принесло успокоения национально – политических конфликтов среди верующих. Росту напряжения способствовали и власти,

продолжавшие начатую политику колонизации Церкви. В комментарии к декрету президента министр РИ и ПП Войцех Свентославский, обратил внимание, что процесс дерусификации Церкви должен быть связан с борьбой со всякой "националистической белорусскою и украинскою агитацией". На вторую половину 1930-х гг. приходится очередная акция "усиления польского элемента" на восточных землях, в которой главная роль принадлежала армии. Основой для неё стало выступление военного министра Каспшыцкого 2 июля 1936, где он подчеркнул, что Польское государство должно стремиться к культурной ассимиляции верующих различных вероисповеданий, а в отношении славянских меньшинств, процесс колонизации в религиозно – церковной жизни необходимо окружить плотной опекой. Эта тенденция вскоре приняла образ так называемой ревизационной программы, проявляющейся в возврате "к польскости личностей и групп населения, предки которых принадлежали к польской нации или культуре, а в сфере религии – связанной с возвращением к вере отцов, с обращением в римско – католическую веру" [5, s. 227].

Таким образом, политика польских властей по отношению к Православной Церкви в межвоенный период была направлена на изменения культурного облика Церкви, на превращение Православной Церкви в инструмент национально – культурной и религиозной ассимиляции славянских национальных меньшинств. Правовой статус православия в Польше был урегулирован только в 1938 г. На протяжении всего существования II Речи Посполитой власти активно вмешивались во внутренние дела Церкви, а духовенство подвергалось давлению и репрессиям.

1. Żaryn J. Od niepodległości do teraźniejszości 1918 – 1998. – Warszawa, 1998
2. Monitor Polski, 1922 , № 38
3. Государственный Архив Гродненской Области, ф. 92, оп. 1, д. 19.

4. Papierzyńska – Turek M. Historyczne uwarunkowania ogłoszenia autokefalii Kościoła prawosławnego w Polsce w 1925 r. // Autokefalie kościoła prawosławnego w Polsce / Redakcja naukowa: Antoni Mironowicz, Urszula Pawluczuk, Piotr Chomik. – Białystok, 2006. S. 151 – 164.

5. Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921 – 1939. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdansk, 1979

6. Langrod J.S. O autokefalji prawosławnej w Polsce. – Warszawa, 1931.

7. ГАГО, ф. 226, оп. 1, д. 65

8. Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). – Гродно, 2005.

9. ГАГО, ф. 92, оп. 1, д. 2

10. Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. – СПб., 2003.

11. Papierzyńska – Turek M. Мędzy tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918 – 1939. – Warszawa, 1989.

Максим КИРЧАНІВ

ДИСКУРСИ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ ІНТЕГРАЦІЇ ЛАТВІЙСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ

Після відновлення державної незалежності Латвійська Республіка чітко визначила пріоритети своєї зовнішньої політики. Головними цілями були європейська і євроатлантична інтеграція. Поняття «integracija» в сучасній Латвії, в її політичному і науковому лексиконі використовується дуже широко. Інтеграція усвідомлюється як шлях до подолання «залишених зовнішніми силами наслідків окупації, депортації, злочинів проти людства». Інтеграція в Латвії - синтез доброї волі і світових стандартів¹. Найважливіші дискурси інтеграції - європейський досвід, інтеграція через державу, інтеграція через мову... Європейський досвід - це перший дискурс серед численних дискурсів європейської інтеграції Латвії. Інтеграція 1990-х років була б неможлива, якби місцеві інтелектуали не уявляли Балтійський регіон як Європу. Європейська інтеграція Латвії - складний ідейний проект, який базується на розвитку європейської ідеї, європейського політичного, культурно-історичного досвіду.

Європейська ідея в Латвії виникла в другій половині XIX століття. Її поява пов'язана з національним латиським рухом. Розпад Російської Імперії і поява на політичній мапі Європи незалежної Латвійської Республіки стали важливими стимулами для розвитку латиського європеїзму. Зростанню

популярності європейської ідеї сприяло і те, що зовнішня політика Латвії була політикою європейської орієнтації. Основними зовнішньополітичними партнерами Латвії були Велика Британія, Німеччина і інші європейські держави. Носіями європейської ідеї були латиські інтелектуали. Історики вписували історію Латвії в загальноєвропейський історичний контекст. Політичні процеси були ідентичні загальноєвропейським. Латвія, подібно іншим країнам Європи, зазнала триумф націоналізму у політиці, модернізму у культурі... Радянсько-німецький пакт, друга світова війна, радянська окупація, советизація вирвали Латвію з політичної і культурної Європи. Латвійська РСР стала однією з радянських республік, але європейська традиція продовжувала існувати.

Європейська ідея не була повністю викорена радвладою, що дуже активно боролася з нею в рамках кампаній направлених проти «буржуазного націоналізму» і «буржуазних пережитків». Європейська ідея змогла про себе заявити в другій половині 1950-х років, після смерті Сталіна і обмеженої лібералізації національної політики. Європеїзм прийшов на зміну націоналізму, ставши його формою. Європейська ідея виявлялася у тому, що латиські інтелектуали позиціонували свою

історію і культуру, як історію і культуру латиську і європейську. Європейська ідея була опозицією подвійного плану. З одного боку, вона опозиціонувала Латвію Росії, з іншого – капіталістичній вільній Європі, яка не збиралася допомогти своїм прибалтійським побратимам в звільненні від комунізму. Для вільного Заходу латиші пропонували Латвію як свою країну – країну християн, католиків або протестантів, індивідуалістів, антикомуністів. Цей закодований заклик Європа зрозуміла. Балтійські студії, які активно розвивалися на Заході після 1945 року, підкреслюють, що активність латиських інтелектуалів мала свої позитивні наслідки. Російським інтелігентам балтійські інтелектуали бажали сказати, що вони інші. Російська інтелігенція цей сигнал розкодувала вірно і сприймала Прибалтику як щось чуже, але радянська влада не мала бажання міркувати над пошуками латиської інтелігенції і продовжувала утримувати Латвію у складі СРСР. Європеїзм латиських інтелектуалів був реакцією на спроби русифікації Латвії. Таким чином, латиський європейський досвід, як прояв націоналістичної ідеології², найголовніша передумова європейської інтеграції Латвії 1990-х років.

Яким би важливим ні був дискурс європейського досвіду, як би широко він не використовувався в Латвії, яким би ні був він затребуваним і популярним серед місцевих інтелектуалів - дискурс інтеграції через державу, через проведення європейської політики займає центральне місце в європейській інтеграції. Державний дискурс інтеграції має подвійний характер – це і інтеграція Латвії до Європи, і внутрішня інтеграція сучасного латвійського суспільства, розколеного на латишів-громадян і нелатишів-негромадян. Цей дискурс важливий і тому, що європейська лінія стала найважливішою в зовнішній політиці Латвії 1990-х років. Цей дискурс ми спостерігаємо

в діяльності офіційних установ сучасної Латвійської Республіки, наприклад - МЗС.

Державна програма «Інтеграція суспільства в Латвії» (2001) є одним з проявів державного дискурсу. Державна програма базується на визнанні необхідності інтеграції Латвійської Республіки, як до Європи, так і латвійського суспільства в самій Латвії, вона освітлює підхід державних структур до політичної інтеграції, ролі недержавних організацій, проблеми міграцій і репатріацій, відносин із зарубіжними країнами, соціальної і регіональної інтеграції. Автори програми вважають, що вона покликана забезпечити «діалог між різними національностями Латвії»³.

Популяризація європейської інтеграції - найважливіший компонент державного дискурсу. Уряд ЛР і МЗС ЛР видали серію брошур про можливі результати інтеграції Латвії в ЄС. Цим кроком вони прагнули ослабити скептичні настрої і побоювання з приводу можливої втрати державної незалежності. Автори офіційних брошур відзначають, що «всі країни після вступу в ЄС зберігають свою державну незалежність». Для Латвії особливу актуальність має інший аспект, пов'язаний із збереженням «національної і культурної приналежності». Коментуючи цю проблему, автори відзначають, що «в Європейському Союзі немає "національності ЄС" або "культури ЄС". Мешканці ЄС усвідомлюють свою приналежність до певної етнічної групи, нації, держави»⁴.

Натуралізація – елемент державного дискурсу інтеграції в Латвії. У латиському випадку натуралізація - процес отримання громадянства Латвійської Республіки. У 1995 році уряд ухвалив закон про громадянство, а референдум 1998 року вніс деякі ліберальні зміни. Згідно закону, процедура отримання громадянства займає термін від трьох до шести місяців. З 1995 до 2005 р. 85.353 мешканців Латвії, що не мали громадянства, стали громадянами

Республіки. Діти, які народилися вже після відновлення незалежності одержують громадянство автоматично.

У листопаді 2001 р. Управління натуралізації ініціювало інформаційну кампанію про хід і особливості процесу отримання і надання латвійського громадянства. Кампанія складалася з трьох частин: реклама в ЗМІ, видання інформаційних брошур для негромадян на всій території Латвії, організація односторонніх інформаційних заходів з установкою особливих інформаційних стендів в Ризі, Даугавпілсі, Єлгаві, Вентспілсі і Єкабпілсі. Кампанія проходила під гаслом «Громадянство Латвії - зроби свій вибір!». В ході кампанії керівник Управління натуралізації Є. Алдермане відзначала, що «отримання громадянства є одним із способів інтеграції для представників національних меншин, що проживають в Латвії»⁵.

Регіональна інтеграція – важливий прояв державного дискурсу інтеграції. Секретаріат Міністерства інтеграції відзначає, що її цілями є створення рівноцінних умов життя у всіх регіонах Латвії. Офіційна точка зору зводиться до того, що треба усунути всі несприятливі відмінності, залишивши тільки позитивні культурні та історичні відмінності між регіонами. Разом з тим, ця декларація не означає, що уряд ЛР розділяє думку інтелектуалів Латгалі про її особливий статус в Латвії. Секретаріат Міністерства інтеграції вважає за необхідне «підтримку і розробку програм підтримки латиської освіти в регіоні Латгалі».

Державний дискурс - це зовнішній дискурс інтеграції. Тим часом, дискурс інтеграції не обмежується тільки активною політикою латиського уряду. Інтеграція через мову чи мовна інтеграція - ще один з складових елементів латиського інтеграційного дискурсу. Дискурс мовної інтеграції стає ще актуальнішим, якщо звернутися до етнічного складу населення Латвії. За статистичними

даними «Управління у справах громадянства і міграції» від 1 січня 2005 року 58.8 % населення Латвії склали латиші, 28.7 % - росіяни, 3.8 - білоруси, 2.6 - українці, 2.5 - поляки, 1.4 – литовці. Мовний дискурс - спадщина періоду радянської історії. Радянська окупація Латвійської Республіки і її перетворення в Латвійську РСР привели до значних змін в етнічному складі населення. У роки п'ятидесятирічної радянської окупації на територію Латвії приїхало чимало представників інших народностей. Більшість мігрантів не бачила ніякого сенсу у вивченні латиської мови. З даної причини, мовний дискурс інтеграції став для них в 1990-ті роки особливо актуальним: незнання державної мови не дає їм можливості інтеграції в латиське суспільство.

Юридичний прояв мовного дискурсу - закон про мову, ухвалений урядом в 1999 році. Закон прийнятий не тільки з метою упорядкувати ситуацію в мовній сфері. Він покликаний захищати латиську мову і сприяти зростанню використання латиської мови. Закон практично не втручається в приватний сектор. Він торкається тільки державного управління, державної служби, діловодства і освіти - тих сфер, де використання латиської мови закріплено законодавчо. «Державне агентство оволодіння латиською мовою» - основне джерело інформації для аналізу мовного дискурсу. Агентство виходить з визнання того факту, що Латвія є «вираженням багатонаціональним суспільством». Точка зору сучасної латиської політичної еліти полягає у визнанні необхідності «інтеграції різних етнічних общин» через взаємну пошану прав представників різних етнічних груп. МЗС Латвійської Республіки, коментуючи мовну ситуацію, відзначає, що латиші в Латвії живуть з не-латишами, які мають свою ідентичність і культуру, а Латвійська держава в такій ситуації допомагає зберігати національну

культуру груп нелатиського походження.

Знання мови - передумова успішної інтеграції в суспільство. Примітна сторона мовного дискурсу - добровільність в мовному залученні до латиської держави, мешканці нелатиського походження самі повинні побажати і проявити готовність до вивчення латиської мови. Контури мовного дискурсу проступили до середини 1990-х років. У 1995 році була створена програма оволодіння латиською мовою, її метою була підтримка викладання латиської мови в школах національних меншин. У 2004 році цей дискурс змінився - програма еволюціонувала в «Державне агентство оволодіння латиською мовою». Основне джерело інформації про мовну інтеграцію - часопис «Tagad». Форма реалізації цього дискурсу – організація курсів вивчення латиської мови. З 1997 року «Державне агентство оволодіння латиською мовою» почало проводити курси по оволодінню латиською мовою серед певних професійних груп. У 2003 році Агентство стало організатором безкоштовних курсів для десяти тисяч чоловік, охочих вивчити латиську мову. У 2004 році цими мовними курсами було охоплено вже 64.000 мешканців Латвії.

Цей мовний дискурс не був дискурсом тільки внутрішнім латиським. Така ситуація склалася як результат політики Організації Об'єднаних націй, яка займалася цією програмою з 1995 по 2000 рік. В 2001 році мовний дискурс інтеграції став більш національним. Відповідальність за її реалізацію перейшла Міністерству освіти і науки Латвії. З 1996 по 2004 рік цей напрям інтеграції суспільства розвивався в умовах фінансової підтримки з боку урядів ряду європейських держав - наприклад, Данії, Франції і Фінляндії. У листопаді 2001 року уряд Латвії прийняв поправки до «Правил про ступінь знань державної мови, що вимагаються для виконання професійних і службових обов'язків і процедури перевірки знань».

Поправки свідчили про готовність Латвії забезпечувати права громадян і основні свободи людини⁶.

Мовний дискурс інтеграції - нестатичний. Аналізуючи прояви цього дискурсу можна показати зміну відношення до латиської мови з боку тих осіб, для яких латиська мова була нерідною. Якщо в 1996 році мешканці Латвії нелатиського походження стикалися з латиською мовою через ЗМІ, то в 2000 році вони почали ширше використовувати її у сфері професійної діяльності. Результати соціологічних опитів 2002 року показують, що відношення до мови змінилося: нелатіши усвідомили необхідність оволодіння державною мовою⁷. 2004 рік - період максимального загострення мовного дискурсу інтеграції. Починаючи з вересня 2004 року 60 % учбових предметів в школах повинні викладатися латиською мовою. Національною (нелатиською) мовою можуть викладатися предмети зв'язані лише з національною культурою тієї чи іншої національної групи. Така реформа вилілася в черговий російсько-латиський конфлікт. Російські діячі, підтримувані крайніми політичними колами РФ, намагалися зірвати проведення реформи, але від своїх планів реформи уряд Латвії не відмовився.

Інтеграція через суспільство і інтеграція самого латвійського суспільства належить до найгостріших і суперечливих дискурсів європейській інтеграції Латвії. Джерело інформації про цей дискурс – видання Міністерства Закордонних Справ Латвійської Республіки – «Інтеграція суспільства в Латвії: від планів до їх виконання». «Інтеграція» позиціонувала латвійське суспільство як суспільство, що успішно інтегрується і готове до вступу до Європейського Союзу. У листопаді 2001 року «Суспільство» повідомляло, що Єврокомісія дала позитивну оцінку політиці Латвії, направленої на вступ в ЄС. Латвійське МЗС інформувало, що Єврокомісія оцінила позитивно ту політику, яку уряд проводить у

області прав людини і захисту національних меншин»⁸.

Аналізуючи дискурси європейської політики Латвійської Республіки треба брати до уваги і те, що Латвія в 1990-ті роки відновила свою незалежність і будувала національну державу. Національні ідеї керують сучасними латиськими інтелектуалами у законотворчій діяльності. В такій ситуації націоналізм, політика і право в Латвії опинилися зв'язаними найтіснішим чином. Це свідчить про те, що сучасна еліта Латвії послідовно проводить курс на будівництво національної держави. Така задача здається актуальною на фоні радянської спадщини. Незалежність Латвії була відновлена в умовах нової демографічної структури населення. У республіці, де в період 1920-1930-х років титульне латиське населення складало більшість, відбулися значні зміни. Радянська окупація і примусова індустріалізація Латвії привели до притоки некорінного російськомовного населення. Політичні зміни другої половини 1980-х, реформи 1990-х привели до того, що радянська спадщина в політичній і економічній сфері була демонтована. Ми можемо припустити, що країни Балтії досягли найбільших успіхів в демократизації і наближенні до західних стандартів завдяки змінам у зовнішній політиці і законодавстві.

Сучасні латиські закони витримані в національному дусі, що не сприймається балтійськими росіянами. Латвійське законодавство відторгається ними. Сучасна Латвійська Республіка живе і після вступу до Європейського Союзу продовжує жити в умовах примату і домінування національного права і законодавства над європейським. Таким чином, процес європейської інтеграції Латвії, що розтягнувся на

1990-і роки, далекий від свого завершення. Інтеграція ЛР в Європейський Союз істотно зміцнила стабільність Латвії, оберігши її від непродуманих дій східного сусіда. Але і в новій Латвії, яка вже належить до ЄС, існує безліч проблем. Одні з них пов'язані з реалізацією переваг європейського вибору, з повною інтеграцією латвійської економіки і латиського суспільства до Європи. Інші пов'язані з інтеграцією російської меншини в латвійське суспільство. У 1990-і роки Латвія успішно вирішила задачу будівництва національної державності. У такій ситуації перед російською меншиною стоїть проблема інтеграції в цю національну державність. У яких формах (асоціація чи асиміляція) розвиватиметься цей процес – інше питання. Реалізований європейський вибір сприятиме рішенню і цієї проблеми.

1. <http://www.am.gov.lv/ru/information>
2. Про сучасний латиський націоналізм див.: Курчанов М.В. Основные идейные концепции современного латышского национализма: постановка проблемы и перспективы изучения // Интеллигенция и экстремизм. Сборник статей / ред. А.А. Слинко. – Воронеж, 2005. – С. 89 – 95.
3. Valsts programma "Sabiedrības integrācija Latvijā". - R., 2001.
4. Латвия в Европе. Сохраним ли независимость. - Рига, 2002.
5. Интеграция общества в Латвии: от планов к их выполнению. - Ноябрь 2001. - № 19.
6. Интеграция общества в Латвии: от планов к их выполнению. - Ноябрь 2001. - № 19.
7. <http://www.am.gov.lv/ru/information/societal-integration/Agency-for-Language-Trai>
8. Интеграция общества в Латвии: от планов к их выполнению. - Ноябрь 2001. - № 19.

Igor CAȘU

BORDERLAND IDENTITIES AND "INVENTION OF TRADITION": THE CASE OF SOVIET MOLDAVIA

It is a well-known fact that Soviet Union pursued a contradictory policy in its national peripheries. This policy has been described as nation building as well as nation destroying one. In this article the main attention will be paid to Moscow's attempts to inculcate a modern ethnic identity in the Moldavian Soviet Socialist Republic after the Second World War, through the so-called strategy of "invention of traditions". To be more precise, the latter has to be distinguished from such phenomena as the invention of "Orientalism", "the invention of Eastern Europe" or "imagining Balkans"¹ that refers to the creation of negative other as a part of collective identity formation. In comparison, as consecrated by Eric Hobsbawm, "inventing traditions is essentially a process of formalization and ritualization, characterized by reference to the past, if only imposing repetition" and thus, history is used "as a legitimator of action and cement of group cohesion"². Here in this article, I am using the "invention of tradition" strategy in a narrower sense, as a component part of Soviet nationalities policy, even though Hobsbawm uses it in a larger sense of modern identity formation of nation-states in late 19th–early 20th centuries.

Basically, Soviet Union's attempt to create a new ethnic identity on its South Western borderland has been promoted in order to legitimize its territorial pretensions against Romania. To analyze the way local population reacted to these policies is beyond my goal here. One of the main hypotheses of the paper is that the creation of a new ethno-nation (in Walker Connor sense)³ – Moldavian one – was an instrumental strategy in order to foster the integration of local population in the Soviet society, a mean, not a goal in itself. But for the mean to look more convincing and to be more effective it had had to be presented as an essential goal⁴.

Sometimes the threat to achieve the ultimate goal of Soviet nationality policy – to create a homogeneous, ethnic free community, based on civic values, but speaking Russian, as

Khrushchev clearly stated⁵ – has been perceived as coming from Russian nationalism and chauvinism, sometimes – from nationalism of non-Russian ethnic groups, primarily from titular nationalities of the other 14 union republics. Thus, as stipulated by Lenin, the Soviet regime had to alternate periodically between the stress on "blossoming", "rapprochement" and "convergence" of nationalities⁶. In other words, one can argue that the ultimate goal of Soviet nationality policy was "convergence", and "blossoming" and "rapprochement" were the means in order to achieve the final scope.

During the Cold War, the dominant interpretation in Soviet nationalities policy in the West assumed that Soviet regime was totalitarian in its essence not only toward individuals, but also collectivities, such as ethnic groups. In the last decade or so however, the traditionalist view condemning Soviet regime on the basis it pursued a unilateral policy of nation destroying has been challenged by outstanding authors like Yuri Slezkine⁷. In his words, "Soviet nationality policy was devised and carried out by nationalists. Lenin's acceptance of the reality of nations and "national rights" was one of the most uncompromising positions he ever took, his theory of good ("oppressed nation") nationalism formed the conceptual foundation of the Soviet Union (...)"⁸.

A similar point of view expressed another authority in the field, Ronald Grigor Suny. For him, USSR was "a state that had set out to overcome nationalism and the differences between nations had in fact created a set of institutions and initiated processes that fostered the development of conscious, secular, politically mobilizable nationalities"⁹. If one assumes that the Soviet Union has been an Empire, i.e. accepts the imperial paradigm in explaining the collapse of 1991¹⁰, it is true that "imperialism is rather creating conditions and stimulates the construction of new nations than suppresses nation-building and nationalism"¹¹. In this sense, I agree

basically with proponents of imperial paradigm which argue that Soviet Union was an Empire doomed to vanish like other empires, but at the same time accepting some arguments of revisionist or modernist scholars stating the role of modernization in forging collective identities. At the same time, one should notice that Soviet Union was the world's first *Affirmative Action Empire*, because, as Martin Terry put it, "Russia's new revolutionary government was the first of the old European multiethnic states to confront the rising tide of nationalism and respond by systematically promoting the national consciousness of its ethnic minorities and establishing for them many of the characteristic institutional forms of the nation-states"¹². Another author, a political scientist, Roger Brubaker, converges in this sense, by noticing that "no other state has gone so far in sponsoring, codifying, institutionalizing, even inventing nationhood and nationality on the sub-state level, at the same time doing nothing to institutionalize them on the level of state as a whole". Brubaker adds that Soviet Union "codified nationhood and nationality as fundamental social categories sharply distinct from statehood and citizenship"¹³.

As for the broader theoretical discussion on the nature and origins of nations and nationalism, I cannot agree as a historian wholeheartedly and fully with neither modernist, primordialist-perennialist or ethno-symbolist approaches, to mentioned just a few basic existing paradigms in the field of nationalism studies, analyzed recently by Anthony D. Smith¹⁴. Suffice here to add that for the sake of simplicity by "ethnic" and its derivative "ethnicity" I mean a community that has "a collective proper name, a myth of common ancestry, shared historical memories, one or more differentiating elements of common culture, an association with a specific "homeland" and a sense of solidarity for significant sectors of the population"¹⁵. Meanwhile "nation" refers to the political dimension of a collective identity, namely the desire of an ethnic group to receive

more autonomy or separate and create its own independent state¹⁶ or, in case of Eastern Moldavia, to unite with Romania. Nationalism as an ideology, in this case, anticipates and forges the nation, not vice versa, as Gellner put it¹⁷. Needless to say, these distinctions are rather of convenience than of principle. In relation to various theories of ethnicity and nation, I agree with Benedict Anderson that "there is no serious thinker about nationalism who is not at various points a constructivist, a primordialist, a modernist, and an essentialist; the labels are very crude, and are only useful for beginners"¹⁸.

The present day Republic of Moldova has been populated from ancient times by various tribes and peoples, among them the most notorious being Geto-Dacians, mentioned by Herodotus in his famous *Histories*. The language spoken by 64 per cent of its present day population traces back to the Roman occupation of Dacia between 105-207 A. D. As a result, the local population has been linguistically Latinized and a lot of cultural borrowings survived after the Roman withdrawal. Between 3rd and 14th centuries there were no strong and permanent state organizations in the area. A lot of tribes and peoples controlled intermittently the region or others just passed through, among the most important being Huns, Ostrogoths, Slavs, Magyars, Pechenegs and Tartars. In mid 14th century Dragos and then Bogdan voievod crossed Carpathian Mountains from Hungarian controlled Maramures area and established the Principality of Moldavia. By late 14th century Moldavian Principality stretched from Carpathian Mountains in the West to the Dniester River in the East, Podolia in the North and Black Sea in the South.

The most glorious period of the medieval Principality of Moldavia coincides with the reign of Stephen the Great (Ștefan cel Mare), 1457-1504. Stephen succeeded in the first decades to resist continuous Ottoman attacks, but finally Moldavia lost the main fortresses of Chilia, Ismail and Cetatea Alba, and subsequently was doomed to

surrender the Porte. Officially, Bogdan, the heir of Stephen, succumbed to Ottomans by 1512 and Moldavia became a vassal state for the next 300 years. Over this period, local rulers fought against each other for power and indulgence from the Porte, often asking for Polish, Tartar and Russian support. Dimitrie Cantemir, the most educated Moldavian *voievod* that reigned only in 1710-1711, has asked the latter to fight against Turks. Unfortunately however, Cantemir's and Peter the Great failure at Stănilești in 1711 brought a one hundred year control of Moldavia, and than of Wallachia, by the Phanariots, a special group of Greeks from the homonym district of Istanbul as well as Hellenized local boyars.

In late 18th – early 19th century Russian Empire is extending its Western territories. After the Jassy Peace Treaty of 1792 it annexed Bug - Dniester area and subsequently after the 1806-1812 Russian-Turkish war Russia seized the Eastern part of Moldavian Principality and renamed it as Bessarabia. As a matter of fact, only a tiny strip of territory in the South has been known before by that name in the memory of Basarab, ruling family of Wallachia that controlled it during a short period of time in the Middle Ages. Russians however misled Ottomans at Bucharest Peace Treaty of 1812 by asking to annex Bessarabia and afterwards extending arbitrarily that denomination over the whole territory situated between Prut and Dniester Rivers.

During a short period, Bessarabia enjoyed a special status comparable somewhat to that of Finland and Warsaw Kingdom within Russian Empire, up to 1828. The autonomy has been dropped due to the fact the tsar Alexander I died in 1825 and his successor Nikolai I embarked on a centralizing policy toward newly acquired territories as well as allegedly due to internal factors as the inability of local aristocracy to meet their duties in the regional Supreme Council. Throughout the entire 19th century, ethnic composition of Bessarabia has been changed dramatically as a result

of colonization of the region – especially its Southern part inhabited previously by Tartar shepherds – with Bulgarian, Gagauz, German and Swiss colonists. By 1900 there were only less than 50 per cent of Moldavians/Romanians in Bessarabia as compared to above 90 per cent before the Russian annexation a century ago.

Meanwhile, the Western part of Moldavia united in 1859 with Wallachia and formed the core of the modern state of Romania. Bessarabia however has not participated in this nation building process among them being the spreading of standardized Romanian language, the inculcation of a common historical memory through the mass educational system etc.

At the end of the First World War, Bessarabians has been involved as other nationalities of the Empire, in the renaissance movement that subsequently lead to the union of Bessarabia with Romania in March 1918 according to the Lenin-Wilson principle of self-determination. In the interwar period, the aim of Bucharest authorities was to integrate the new provinces with various cultural, linguistically and economical legacies in one centralized nation state. In Bessarabia, in contrast to Bukovina and Transylvania were the majority of population assumed already its modern name as Romanians before 1918, the local population preserved a strong regional identity identifying themselves first of all as Moldavians. This means that unlike in the Habsburg Empire, in Russian Bessarabia the old medieval, regional identification survived mainly because of the low rate of urbanization and alphabetization among locals and isolation from the processes witnessed by Moldavians across the Prut River since mid 19th century. Thus, the aim of interwar governments was to transform peasants into Romanians (to borrow Eugen Weber's famous expression "Peasants into Frenchmen"). Because of the almost permanent state of siege in Bessarabia due mainly to the Soviet threats and a relative reluctance of local population to accept Bucharest economic and cultural policy, the

regional identity survived or even has been more pronounced at 1940. In June 1940, as a result of the Molotov-Ribbentrop secret pact of August 1939, Soviet Union sent an ultimatum to Romanian government asking to renounce Bessarabia. Being isolated and threatened by international circumstances and the perspective to fight on three fronts at the same time, Romania surrounded to Soviet claims.

In August 1940, a Moldavian Soviet Socialist Republic has been created out of the main Bessarabian territory plus about a half of interwar Moldavian ASSR within Ukraine. The autonomous republic has been established in 1924 to lay pretensions over the Bessarabian territory, to internationalize the question as well as to make a bridge for the expansion of Communism in Romania and subsequently in the whole Balkan area. Latin alphabet has been functional in 1932-1938 in the MASSR, but as in other part of Soviet Union, that policy has been dropped in late 1930s.

During the Second World War, Romania has recovered Bessarabia with German military assistance. Romania received also civil authority to control Transnistria, i.e. the territory between Dniester and Bug Rivers. It included the present day strip of territory on the eastern bank of Dniester River known as the self-proclaimed *Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika* since 1990¹⁹.

As related to Soviet Moldavia, by 1944 when USSR re-annexed the Prut – Dniester area, there was not yet a modern national consciousness among local Moldavians. This is due to the fact that Tsarist Empire has occupied Bessarabia in early 19th century and thus the area being isolated from all European phenomena of nation-building process and modern identity formation. The main factors that hindered that process basically are: suppression of national movements in the Russian Empire as compared to the instrumentalization of ethnic based movements in the Habsburg Empire²⁰; the low rate of urbanization²¹; mass illiteracy; lack of a unique standardized, literary language²² as well as the idea

of being unique and different from other religious and linguistic groups. If mass colonization is generally accepted as a stimulus for further ethnic differentiation, in the 19th century Bessarabia the arrival of Russians, Ukrainians, Bulgarians, Germans, and Jews etc. had a negligible impact on the local Romanian speaking population in terms of fostering a modern sense of ethno-national identity. In Tsarist Bessarabia, unlike in Transylvania for example²³, the great bulk of colonists were sharing the common Christian Orthodox religion, speaking a language not totally unknown to the local population since the Old Church Slavonic has been the saint language of Eastern Christianity for centuries, including in the territories of Medieval Principality of Moldavia. That's why, the majority of local population did not perceive the great bulk of newcomers as totally different, as absolute strangers, the ideal type of the "Other"²⁴.

By 1918 when Bessarabia united with the Kingdom of Romania, there survived a strong regional, patriarchal identity. Iorga and Martonne, for instance, noticed a deeply acculturated society, Russian language being accepted as the language of high culture by a tiny local intelligentsia, would-be-builders of modern nation. Suffice to mention here that about 80 per cent of local newspapers in the interwar Bessarabia have been in Russian²⁵. That is, a standardized Romanian language spread by mass media as a central element in creating "imagined communities", as Anderson²⁶ put it, had little effect on local population. Education, another key element in forging modern ethno-national identity according to Eugene Weber, has not been successful too as by late 1930s only about 1/3 of Bessarabians were literate. Besides, the credibility of Bucharest government was very low amongst Bessarabians and that factor also contributed to the reluctant attitude of locals toward the project of creating a unified Romanian ethno-national identity. To be true, there were internal as well as external factors that hampered the national

building process in the interwar Bessarabia, that is, it would be too simplistic to blame one or another part of this failure (victims and perpetrators paradigm).

Subsequently, after the first year of Soviet administration 1940-1941, and the immediate aftermath of the Second World War, local population, regardless of ethnic background, tended to view Romanian interwar administration better than before. Mass deportation and famine, forced collectivization determined this change of attitude (paradoxically enough, Romania has been idealized in lack of real communication, but in fact it was passing through the same bitter experience of Sovietization). Archival data are confirming the idea, invoked in many testimonies, that large segments of local population perceived Soviet administration as a temporary one until up to Hungarian revolution of 1956. A myth largely known in Romania and other East European countries "Americans are coming!" was also characteristic for Bessarabian society till mid 1950s and that was the reason some armed anti-Soviet organization like "Arcașii lui Ștefan cel Mare" decided to continue the resistance.

Meanwhile, the Soviet regime was anxious to legitimize its territorial acquisition from the neighboring state, Romania. The situation was more delicate as Romania became a Communist state since December 1947. If between the two World Wars, pretensions over Bessarabia were formulated on social, class background, afterwards these arguments became superfluous. In this situation, the most appropriate way for legitimization was considered to be that of creating a new ethno-nation out of local, strong regional identity, Moldavian one. As every would be ethno-nation should have some distinct features, Moscow and Chisinau authorities embarked on a policy, which involved the invention of many traditions. Like in other borderland areas with overlapping and contradicting legacies as well as identities, it was not relatively easy to establish what is genuine and relevant

to represent a separate Moldavian nation. Among these "invented traditions", one can notice the introduction of Cyrillic alphabet instead of Latin one in order Moldavian would be nation should identify itself as a part of larger family of Soviet peoples. The fact the written language of Moldavian Medieval Principality was for centuries Church Slavonic and subsequently Cyrillic letters were used in local Moldavian vernacular of 19th century was invoked as a historical argument in this sense. Introduction of Cyrillic alphabet and purging local vocabulary from Romanian sounding words, that is, recent Latin words and neologisms borrowed especially from French were considered to be enough in order to claim a Moldavian language exists. That element was to be a cornerstone of nationality policy in Soviet Moldavia – if a separate language, at variance with Romanian exists, it was not very difficult, from Moscow point of view, to attest as legitimate a different ethno-nation, Moldavian one.

In order to legitimize a language, it was necessary to arrange for a selection of a group of classic writers to represent it. In mid 1950s a selection of Moldavian writers was made, among them being Eminescu, Creanga, Alecsandri, Donici, Costin, Russo, Hasdeu etc. All has been born in historical Moldavia and has been included in the Aleea Clasicilor in the Central Park of Chisinau. An interesting detail – Pushkin is still situated in the center of this ensemble of statues. The main problem was with Eminescu for his renowned anti-Russian stance, but finally he has been admitted as a representative of Moldavian and Romanian literature. The selective volumes of these authors, with minor differences from Bucharest editions have been published in Chisinau onward. The importance of this phenomenon is usually underestimated. It meant the legitimization of using modern, standardized Romanian vocabulary among local intellectuals that was prosecuted in the first postwar decade on the ground of denying the existence of Moldavian separate language and

ethno-nation, that is, of anti-Sovietism²⁷.

In order to give more credibility to the new ethnic identity, it was necessary that contemporary intellectuals should be engaged in this enterprise. The legitimization by cultural and moral capital, in Bourdieu²⁸ terms, came from a group of writers educated in interwar Romania, but having deep Communist convictions from that time, among them Emilian Bucov and Andrei Lupan²⁹.

Another aspect in Soviet nation-building process in Moldavian SSR involved the invention of a pantheon of political heroes in order to represent plenary a full-fledged ethno-nation. As early as October 1944, during the celebration of 20th anniversary of MASSR, created on Ukrainian territory on the bases of so-called Piedmont principle, the first names were listed. In this respect, some historical personalities from the medieval Principality of Moldavia were invoked as being the best representatives of Moldavian people. Namely, Ștefan cel Mare, Vasile Lupu, Petru Rareș and Dimitrie Cantemir were established as the heroes of Moldavian nation. The central criterion of this selection was that they allegedly promoted special friendship relations with Russia³⁰. In order to be more coherent, local CC claimed, in an extended letter to Stalin in 1946, the reunification of Moldavian people in one state thus laying territorial pretensions to Western Moldavia within Romania and even to Maramures, supposedly the cradle of Moldavians because Dragos and Bogdan, founders of Moldavian Principality, originated from that area. In their endeavor, local communists had no reserve in quoting Romanian "bourgeoisie" historians as Iorga and Xenopol³¹.

The degree of the exaltation of Moldavian identity was intimately linked with overall relations between USSR and Romania. In mid 1960, inventing of traditions strategy was reinforced as Romania became one of the pseudo-maverick states in the socialist bloc and claiming, by the way, its pretensions on Bessarabia. The peak was in 1966,

when a dozen of commemorative celebrations, stressing the historical connections between Moldavia and Russia were organized (among them: 310 years of the treaty between Gheorghe Ștefan and Tsar Alexei Mihailovici; 255 years of Peter the Great arrival in Moldavia – claimed as arguments for allegedly centuries old will of Moldavians to unite with Russia). One should notice that a lot of streets and localities were being renamed after Tsarist and Soviet heroes, among them the most notorious ones were Peter the Great, Suvorov, Kutuzov, Kotovski, Frunze, Lazo, Livshits, Nikolski, Iakir, Glavan, Soltas etc. In 1985, the full list of Moldavian socialist nation was published and out of 92 names, only less than one half could be apparently identified as ethnic Romanians³². Thus, Moldavian nation, as envisioned by Soviet regime should replicate and converge with a local variant of "Soviet people", multinational in its character. Among these heroes, the most important cult promoted was that of Kotovski, a Russian-Ukrainian, meant to compete with the political myth of "Ștefan cel Mare".

What happens and what changed in this respect in post-Soviet Moldavia? The names of streets and localities are replaced everywhere, except in some areas populated by ethnic minorities like Gagauzes, Bulgarians and Ukrainians. All monuments representing the heroes of Moldavian ethno-nation, with minor exception, have been demolished or marginalized. Pan-Romanian names are dominating symbolically in regard to street names, monuments, localities etc. Latin alphabet has been reintroduced in 1989, and in the subsequent two years, Romanian language and history of Romanians has been made compulsory till today in all schools at all levels and ethnic areas, Romanian tricolor officialized, Aleea Clasicilor complemented with Romanian writers from Wallachia and Transylvania. The staunchest anti-Romanians, among them the present day prime minister Tarlev, are sending their offspring in local Romanian schools. Pan-Romanian intellectuals are dominating

in education, Writer's Union and other cultural associations. Ștefan cel Mare is a institutionalized saint, Eminescu – a non-institutionalized one, but, for sure, recognized as a kind of local Moses. "Ethno-cultural justice", if I can put it in this way, had triumphed. Politically and economically, pan-Romanians however never had a decisive majority. These aspects make the post-Soviet Moldavia a fascinating case of identity in transition, facing at the same time the challenges of globalization and transnationalization.

- 1) Said E. *Orientalism* / E. Said. - New York, 1978; Wolff L. *The Invention of Eastern Europe* / L. Wolff. - 1990; Todorova M. *Imagining Balkans* / M. Todorova. - NY. - Oxford, 1997.
- 2) Hobsbawm E. *Introduction // The Invention of Tradition* / ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. - Cambridge, 2000, - P. 4, 12.
- 3) Connor W. *Ethnonationalism. The Quest for Understanding* / W. Connor. - Princeton, 1994.
- 4) I have drawn this hypothesis from Terry Martin's assessment about the essence of korenizatsiia. See: Martin T. *Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* / T. Martin. - Ithaca, 2001. - P. 222.
- 5) Khrushchev, for instance, maintained that the sooner all Soviet citizens will speak Russian, the sooner Communism will be constructed. See Cozma V. *Considerații privind politica națională la Universitatea de Stat din Moldova (1946-1996)* / V. Cozma // *Omagiu lui Vladimir Potlog și Constantin Drachenberg la 70 de ani.* - Chișinău, 1997. - P. 278.
- 6) Ленин В.И. ПСС / В.И. Ленин. - Т. 19. - С. 245.
- 7) Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* / Y. Slezkine // *Becoming National. A reader* / eds. Geoff Elley and Ronald Grigor Suny. - NY. - Oxford, 1996. - P. 203-238. First published in „Slavic Review”, 53, 2 (Summer 1994), pp. 414-52.
- 8) *Ibidem.* - P. 203.
- 9) Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union* / R.G. Suny. - Stanford, 1993. - P. 126.
- 10) Rowley D. *Interpretations of the End of the Soviet Union: Three Paradigms* / D. Rowley // *Kritika. Explorations in Russian*

- and Eurasian History.* - Vol. 2. - No. 2. - Spring 2001. - P. 395 - 426.
- 11) Suny R.G. *The Empire Strikes Out: Imperial Russia, „National” Identity, and Theories of Empire* / R.G. Suny // *Ab Imperio.* - 2001. - Vol. 1 - 2. - P. 25.
 - 12) Martin T. *Op. cit.* - P. 1.
 - 13) Brubaker R. *Nationhood and the national question in the Soviet Union and post-Soviet Eurasia: An institutionalist account* / R. Brubaker // *Theory and Society.* - 1994. - No 23. - P. 49, 52.
 - 14) Smith A.D. *Nationalism and Modernism. A Critical Study of Recent Theories of Nations and Nationalism* / A.D. Smith. - L.-NY., 2001.
 - 15) Smith A.D. *National Identity* / A.D. Smith. - Reno, 1991. - P. 21.
 - 16) *Ibidem.* - P. 14.
 - 17) Here I agree with Ernst Gellner - Gellner E. *Thought and Change* / E. Gellner. - L., 1964. - P. 168.
 - 18) Interview with Benedict Anderson - *We Study Empires as We Do Dinosaurs: Nations, Nationalism, and Empire in a Critical Perspective* // *Ab Imperio.* - 2003. - No 3. - P. 61 - 62.
 - 19) For a comprehensive overview of Moldova's history see - King Ch. *Moldovans: Cultural policy between Romania and Russia* / Ch. King. - Stanford, 2000.
 - 20) See, for instance: Taylor A.J.P. *The Habsburg Monarchy, 1809-1918* / A.J.P. Taylor. - L., 1948.
 - 21) Ciobanu Șt. *Basarabia: populația, istoria, cultura* / Șt. Ciobanu. - Chișinău, 1992. - P. 25.
 - 22) Anderson B. *Imagined Communities. Reflection on the Origins and Spread of Nationalism* / B. Anderson. - L., 1991. - P. 146. The way Romanian language has been standardized is discussed by Antohi S. *Civitas Imaginalis. Istorie și utopie în cultura română* / S. Antohi. - București, 1994. - P. 137-147.
 - 23) See Mitu S. *Geneza identității naționale la românii ardeleni* / S. Mitu. - București, 1997. - P. 131-145; Hitchins K. *Mit și realitate în istoriografia românească* / K. Hitchins. - București, 1997. - P. 11-47.
 - 24) One of the Romanian historians to hint that the idea was A.D. Xenopol. See: Xenopol A.D. *Războaiele dintre ruși și turci și înfruirea lor asupra Țărilor Române* / A.D. Xenopol. - București, 1997. - P. 23.
 - 25) Grossu S. *Presa din Basarabia în primul deceniu de după Marea Unire* / S. Grossu // *Analele științifice ale Universității de Stat din Moldova, Seria științe socio-umane.* - 1999. - P. 290-298, 295; Mătu C. *O necesitate desconsiderată: presa*

românească din Basarabia / C. Mătu. - Chişinău, 1930.

26) Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism.* - L., 1991.

27) Caşu I. *Politica naţională / I. Caşu // Moldova Sovietică 1944-1989.* - Chişinău, 2000. - P. 55-56.

28) Bourdieu P. *Social Space and Symbolic Power / P. Bourdieu // Sociological Theory.* - 1989. - vol. 7. - No 1. - P. 14-25.

29) *For a brief presentation of Bucov and Lupan, see - Luptători pentru fericirea poporului / eds. D.E., Şemjakov, V.P. Isac. - Chişinău, 1985. - P. 203-207, 233-236.*

30) *Arhiva Organizaţiilor Social-Politice din Republica Moldova – AOSPRM (former Archives of Moldavian Communist Party), F. 51, inv. 2, d. 2, f. 25.*

31) *AOSPRM, F. 51, inv. 4, d. 64, f. 1-34.*

32) *Luptători pentru fericirea poporului / eds. D.E. Şemjakov, V.P. Isac. - Chişinău, 1985.*

Дмитро БОНДАРЕНКО

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС УКРАИНЫ: ЕС ИЛИ ЕЭП?

Исходя из геополитического положения Украины и ее историко-культурной основы, возможны два варианта ее стратегического курса: либо сближение с восточнославянской общностью (Беларусью и Россией), либо интеграция в НАТО и ЕС. Подобное раздвоение внешнеполитического курса, или, согласно терминологии Л. Д. Кучмы, «многовекторность», можно объяснить отсутствием единства украинской нации, биполярностью элиты, по линии «Восток – Запад» Украины; как следствие, возникают различия во внешнеполитических симпатиях и ориентациях: «Россия или ЕС!», которые усиливаются по мере приближения президентских выборов.

Восточная часть Украины экономически и политически ориентирована на Россию, что определено ее историческим прошлым, как бывшей части России, и существованием мощного, можно сказать, определяющего фактора русской диаспоры, как в элите, так и в обществе в целом. Западная Украина столетиями находилась под иноземным владычеством Австро-Венгрии и Польши, и практически не связана историческим прошлым с Россией. Западно-украинская элита рассматривает Россию как

«империю» и «исторического врага Украины». Если учесть, что именно эта часть элиты политически более активна, формирует идеологию Украинского государства, в том числе доминирует при определении внешнеполитических приоритетов, то, становится очевидно, что основная причина, препятствующая не только Российско-украинской экономической интеграции, но и создающая значительные трудности в отношениях двух стран в целом, идеологическая. Американский исследователь, сотрудник РЭНД-корпорэшн, Е. Румер отметил еще в начале 1990-х гг., что «политический мотив, играющий в Киеве после провозглашения независимости в действительности был написан во Львове». По его убеждению, недостатком западно-украинской элиты является нежелание признать органическую связь народа Украины с Россией¹.

Современные западно-украинские стереотипы – якобы Россия не оставляет надежды на «собрание Русской земли» и «восстановление империи», «ЕЭП – новый СССР»² существенно подогреваются также американским «общественным мнением»³, поскольку эта интеграция не отвечает геополитическим интересам США в Евразии. В

частности, З. Бжезинский в своей знаменитой «Великой шахматной доске» отметил, что задачей США не допустить интеграцию России и Украины, поскольку это приведет к восстановлению экономического и военно-технического потенциала СССР. Со стороны ЕС также прозвучал протест в адрес Украины в связи с ее участием в ЕЭП⁴, который вызван, по справедливому убеждению А. Гуцала, геополитическими причинами: Евросоюз пытается контролировать Украину, но при этом не принимать ее в свои ряды⁵.

Стратегический курс Украины, объявленный президентом Л. Д. Кучмой, направленный на интеграцию страны в "европейские и евроатлантические структуры", точнее сказать, в НАТО и ЕС, идет в разрез с общественным мнением большей части Украины. Западная же часть украинской политической элиты пытается доказать обществу, что «европейский выбор» отвечает национальным интересам Украины, поскольку принесет определенные экономические выгоды и повысит уровень безопасности, в соответствии с вызовами современности. Аргумент, основанный на опыте стран Центральной и Восточной Европы, что якобы общественное мнение может измениться благодаря доказательству со стороны правительства реальных преимуществ от вступления страны в евро-атлантические организации, на украинской почве выглядит несостоятельно, поскольку обрекает Украину стать переднем краем геополитической борьбы НАТО – Россия.

Несмотря на подобную перспективу «европейский выбор» остается определяющим во внешней политике Украины. Главный аргумент противников соглашения по ЕЭП – нежелательность создания наднациональных органов управления в рамках "четверки", так как ЕЭП по своей структуре будет копировать ЕС, следовательно, отдалит Украину от евроинтеграции.

Именно поэтому министр экономики и по вопросам евроинтеграции В. Хорошковский считает, что Украине будет достаточно сложно интегрироваться в две разные системы - ЕС и ЕЭП⁶. Как своеобразный компромисс, по мнению министра иностранных дел К. Грищенко, Украина может подписать только соглашение по зоне свободной торговли.

В то же время, в рамках «европейского выбора» в украинском руководстве существует более гибкая и прагматичная позиция, представленная первым вице-премьером и министром финансов Н. Азаровым, что путь Украины в ЕС лежит только через ЕЭП. Экономическая интеграция Украины в восточном направлении, по его мнению, не означает отказа от стратегического курса на сближение с Евросоюзом. Так или иначе, но не следует ожидать от участия Украины в ЕЭП больше, чем "зона свободной торговли", которая "не противоречит европейскому выбору Украины"⁷. Особенно, если учесть, что при ратификации соглашения по ЕЭП в Верховной Раде возникли дополнительные претензии к документу со стороны фракций «Наша Украина» и БЮТ, едва не приведшие к срыву голосования.

ЕЭП, как полагает директор Национального института проблем международной безопасности Украины А. Гуцал, отвечает национальным интересам Украины, поскольку обеспечит не только ее экономическое развитие Украины, но и переход на евростандарты. ЕЭП привлекателен для Украины двумя аспектами. С одной стороны, тем, что Украина интегрируется со странами, обладающими громадным ресурсным потенциалом. С другой стороны, тем, что все четыре государства находятся на одном уровне технического развития и обладают большими научно-техническими возможностями, которые могут быть реализованы только совместными усилиями⁸.

Следует обратить внимание, что для Украины выбор между ЕС и

ЕЭП носит не только экономический, геополитический, культурный, но и правовой характер. Прежде всего, это касается как прав русскоязычного населения в Украине, так и украинских трудовых мигрантов в России. Единое экономическое пространство позволит, во-первых, снять таможенные барьеры и тем самым обеспечить свободное передвижение капитала и рабочей силы в рамках четырех государств-учредителей; во-вторых, создаст единое культурное пространство, обеспечив таким образом права русского языка в Украине.

Необходимо заметить, что именно в период президентства Л. Д. Кучмы усилилось давление на русский язык, наступила новая волна украинизации. Что явно противоречит одному из положений предвыборной программы действующего президента Украины: придать русскому языку статус второго государственного. Так, например, весной-летом 2000 г. на Западе Украины (инициатива исходила от львовских городских и областных властей) и в Киеве прошла волна запретов русского языка, главным образом на радио и телевидении. Далее, в апреле 2004 г., вступая в противоречие с народным ожиданием, нынешний Президент позволил Национальному Совету по телевидению и радиовещанию принять решение о запрете лицензирования телекомпаний, не вещающих на украинском языке. Необходимо отметить, что данное решение является грубым нарушением международного и национального права, поскольку противоречит Европейской Хартии региональных языков, которую Украина подписала, и Верховная Рада ратифицировала в 2003 г.

Несмотря на то, что русский язык имеет статус второго государственного в ряде государств СНГ: Беларуси, Казахстане, Киргизии и Молдове, Украина, напротив, демонстрирует противоположную тенденцию в

данном вопросе. Проблема статуса русского языка в Украине, с одной стороны, напрямую связана с внешнеполитической ориентацией государства, с другой стороны, используется как перманентное (а значит невыполнимое) предвыборное обещание кандидатов в Президенты для привлечения голосов избирателей из числа русскоязычного населения.

Каковы возможные варианты дальнейшего участия Украины в ЕЭП. Как известно, Украина подписала документ о создании ЕЭП с оговорками. Прежде всего, она высказалась против создания наднационального органа и перехода на единую валюту в рамках ЕЭП, якобы данные моменты существенно ограничивают суверенитет Украины и противоречат ее стратегическому курсу на вступление в ЕС. В связи с этим возникает целый ряд существенных вопросов. Во-первых, вступление Украины в ЕС разве не ограничивает ее суверенитет? Разве в ЕС нет единой валюты? Во-вторых, отвечает ли экономическим интересам Украины вступление в ЕС? И, наконец, в-третьих, возможно ли вступление Украины в ЕС в обозримом будущем?

Членство в ЕС существенно ограничивает суверенитет государства, особенно нового члена. Вступление Украины в ЕС, учитывая экономический и научный потенциал Украины, не выгодно индустриальному ядру ЕС. Новые члены ЕС необходимы только для расширения рынка сбыта товаров и получения дешевой рабочей силы, но не для конкуренции индустриальному ядру ЕС в сфере высоких технологий.

Что может предложить ЕС Украине в настоящее время? Как максимум это статус соседа, который имеют Тунис и Марокко, страны. Кроме того, асимметричный визовый режим, унижающий национальное достоинство украинца: граждане стран ЕС посещают Украину без визы, а украинцы, напротив, обязаны

получать визу для посещения любой страны ЕС, включая новых членов.

ЕЭП, напротив, - реальная возможность поднять свою экономику, особенно сферу высоких технологий. Украина это понимает, но, подписав основополагающий документ с оговорками, она тем самым существенно снижает для себя возможности своего участия в организации, своего влияния на принятие решений в ЕЭП.

ЕЭП отвечает интересам украинских граждан, поскольку не следует забывать, что среди поставщиков рабочей силы в Россию Украина занимает первое место, второе, с большим отрывом, - Молдавия⁹ (Беларусь не берем в расчет, по причине создания Союзного государства). Украинская трудовая миграция за рубежом оценивается 2-7 млн. человек. Со вступлением Польши в ЕС, и введением визового режима, Россия получила дополнительный стимул для сохранения статуса главного приемщика украинской рабочей силы. Так, например, Россия является трудовой целью для 59 %, а Польша всего для 12 % для киевлян. Практически каждый третий житель Украины ищет работу за рубежом, при этом Восток (именно здесь сосредоточены основные трудовые ресурсы Украины) предпочитает Россию. В этом смысле ЕЭП существенно облегчило бы положение украинской рабочей силы в России, особенно, если учесть, что геополитическим выбором украинских трудовых мигрантов является Восточнославянский блок¹⁰.

Отмечая экономические выгоды ЕЭП для Украины, следует также обратить внимание на тот факт, что европейские инвестиции в основном поступают в пищевую промышленность и переработку с/х продукции, торговлю и посреднические услуги, транспорт и связь. Западный бизнес не спешит принимать участие в инвестировании тяжелой промышленности и крупных наукоемких проектов Украины,

высоких технологий. Подъем этих отраслей возможен только при участии России: осуществляются совместные авиационные проекты Ан-70, Ан-74, Ан-140, Ту-334. и совместные космические программы "Днепр", "Воздушный старт". Украине было предложено войти в Российско-белорусский консорциум "Оборонительные системы", создающий перспективные системы ПВО. Российские инвестиции поступают также в ТЭК, тяжелую промышленность, здравоохранение и финансы.

Россия была и остается основным торговым партнером Украины. По данным британского центра "Экономист интеллект джент юнит"¹¹, доля России составляла по данным за 2001 г. 21,5 % в экспорте и 34,4 % в импорте Украины. Среди стран ЕС для Украины основными партнерами являются Германия и Италия. На них приходилось, по данным за 2001 г., соответственно, 4,2 и 4,9 % украинского экспорта и 8,2 и 2,4 % украинского импорта. В целом следует отметить увеличение внешнеторгового оборота Украины со странами ЕС в 2002 г. по сравнению с 2001 г. на 18,3 %, что составило 21,7 % от общего внешнеторгового оборота Украины. В структуре украинского экспорта в ЕС сохраняется доминирование сырья и полуфабрикатов: энергетические материалы и нефтепродукты, черные металлы, зерновые культуры. Незначительную часть составили: текстильная одежда, котлы, машины аппараты и механические устройства. На этом фоне, несмотря на доминирование продукции металлургии и с/х, именно на Россию приходится значительная часть украинского экспорта машин и оборудования, транспорта, авиационных и космических аппаратов, продукции химической промышленности.

Основу товарного импорта Украины из стран ЕС составляют котлы машины, аппараты и механические устройства, наземные транспортные средства, кроме железнодорожных, электромашин и

оборудование, бумага и картон, полимерные материалы и пластмассы. Главные статьи поставок из России определяют в основном энергоносители и автомобили. Анализируя экспортную и импортную структуры украинской экономики, мы можем заметить, что, в целях экономического протекционизма и сохранения наукоемких отраслей реальная интеграция с Россией выглядит более предпочтительной, чем стремление в ЕС.

Как мы уже отмечали, тяжелая индустрия и наукоемкие технологии (электроника и авиакосмическая отрасли) Украины не вызывают интерес у европейских "партнеров", что косвенно может служить аргументом в защиту тезиса о том, что Европа не заинтересована в экономической мощи Украины, и не рассматривает Украину как кандидата на вступление в свои структуры.

Таким образом, возрождению высоких технологий Украины помогло бы ее участие в программах Союза Беларуси и России по созданию перспективных моделей телевизоров, холодильников, компьютеров, автомобилей и образцов военной техники. Кроме того, совместные украинско-российские проекты в авиакосмической отрасли реально обеспечивают продвижение в сфере высоких технологий двух стран.

Стратегический курс на вступление в ЕС для Украины является ничем иным как идеологической доктриной, созданной в противовес сближению с Россией. Европа же не желает открывать свои рынки и принимать в свои ряды потенциального конкурента. Необходимо понимать, что Украина по своему научно-техническому и людскому потенциалу превосходит целый ряд как кандидатов в ЕС (Польшу, Венгрию, Чехию, не говоря уже о Словении и странах Балтии), так и ее членов (Португалию, Грецию). Как мы уже отмечали выше, вступление новых членов в ЕС необходимо для

закрепления экономических позиций, расширения рынка ядра этой организации (Франции, Германии, Великобритании и Италии), но никак не для расширения самого ядра. Здесь Украина оказывается перед выбором: сохраниться как страна высокого научно-технологического потенциала или стать индустриально-сырьевым придатком европейской системы, центр которой будет далеко за пределами Украины.

Для Украины, реальным сохранением ее суверенитета и гражданского согласия, гарантией прав всех граждан, а не только этнических украинцев, может быть только ее интеграция в ЕЭП. Курс на евроинтеграцию, требующий колоссального напряжения национальных сил, не гарантирует положительного результата в достижении цели, и наносит ущерб государственному суверенитету и национальному достоинству ее граждан (как, например, в случае асимметричного визового режима).

В свое время СНГ зашло в тупик из-за соперничества двух главных игроков, России и Украины. Сейчас все еще существует шанс для нового витка такого соперничества в ЕЭП, это определяется противоположностью стратегических целей двух государств. Россия стремится придать новой интеграционной структуре долгосрочный характер. Украина, напротив, желает ограничить свое участие в ЕЭП только зоной свободной торговли, подписав основополагающие документы с оговорками, которые вызвали непонимание у Беларуси и Казахстана. Кроме того, для Украины ЕЭП всего лишь временная мера, своеобразный трамплин на ее пути в ЕС, следовательно, ее участие в ЕЭП носит временный характер.

Вместе с тем, ЕЭП способно, хотя бы и временно, выполнить главную свою функцию – поднятие экономического потенциала «четверки», как индустриального ядра СНГ. Три государства из "четверки" уже являются членами

тесных интеграционных объединений: ЕврАзЭС и ОДКБ. Украина не входит в указанные объединения, следовательно, ЕЭП создано специально для нее, и это ни для кого не является секретом. Однако, оно может превратиться в СНГ-2, особенно, если учесть изложенную выше позицию Украины.

Таким образом, будущее ЕЭП зависит только от Украины. Именно здесь и возникают два варианта развития ЕЭП:

Вариант 1. Украина не участвует в глубокой интеграции в рамках ЕЭП, ограничиваясь только зоной свободной торговли. Подобная ситуация не отвечает интересам остальных участников, и, в конечном итоге, ЕЭП ждет бесславный конец: "четверка" превратиться в "тройку", для которой ЕЭП не что иное как тавтология. То есть их интеграция будет продолжена в рамках ЕврАзЭС. Украина будет продолжать "интегрироваться" в ЕС, точнее "сосуществовать" с ним.

Вариант 2. Под воздействием обстоятельств и экономической необходимости Украина пойдет по пути дальнейшей интеграции в рамках ЕЭП, согласившись на участие в надгосударственном органе, она все равно откажется от перехода на единую валюту. Это будет максимальным уровнем интеграции Украины ЕЭП.

Заметим, что активное сопротивление оппозиции подписанию договора по ЕЭП возникло только в Украине, в остальных государствах-участниках соглашения такой оппозиции просто не существует. Следовательно, постоянно будет иметь место угроза невыполнения обязательств со стороны Украины, блокирования работы организации, наконец, выхода из ЕЭП Украины под давлением оппозиции, или после возможной победы оппозиции на очередных выборах.

1. Rumer E. *Eurasia Letter: Will Ukraine Return to Russia?* // *The Foreign Policy*. 1994. Fall. N96. P. 131, 133-134; См. также рецензию С. Чуурова на статью Е. Румера: Чууров С. *Украина и Россия: неминуемое свидание?* // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 3. С. 155-156.
2. См., например, «Эпицентр» 25.01.04, на канале «1+1», где было сказано приблизительно следующее: В. В. Путин должен отчитаться перед электоратом по вопросу «собирания Русской земли». Говорилось о возможном поглощении Украины «империей».
3. См., например, перевод статьи из *Wall Street Journal*: «Буш должен дать отпор имперским амбициям Путина...» // *ИноСМИ*. 2003. 20 сентября.
4. ЕС предостерегает Украину от заключения таможенного союза в ЕЭП. // *Подробности*. 2003. 12 сентября. По материалам: Українські Новини. Зам'ятін В. «Митне попередження» Ферхойгена // *День*. 2003. 13 вересня.
5. Слово на захист ЄЕП // *День*. 2003. 13 вересня.
6. Солодкий С., Трофімова Н. Україна — не Росія. Чи варто ділитися суверенітетом із Москвою, Мінськом та Астанною? // *День*. 2003. 13 вересня; Долинчук С. Непростой вопрос ЕЭП — предмет обсуждения в правительстве Украины. // *Сегодня*. 2003. 10 сентября.
7. Образцова А. Украина рассматривает создание ЕЭП в контексте евроинтеграции. // *Подробности*. 2003. 11 сентября.
8. Слово на захист ЄЕП // *День*. - 2003. - 13 вересня.
9. Красинец Е. С. *Внешняя трудовая миграция в Россию* // *Миграция населения*. Вып. 2: *Трудовая миграция в России*. М., 2001. С. 86-87.
10. Прибыткова И. М. *Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений* // *Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты*. М., 2003. С. 27.
- 11 *Ukraine. Analytical Report*. // *The Economist Intelligence Unit*. 2002. December.

ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ: ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

В настоящее время последовательное превращение регионов в экономически самоуправляемые территории приводит к возрастанию их значения как экономических хозяйствующих субъектов; при этом реализация категории «конкурентоспособность страны» все чаще и чаще связывается с понятиями «конкурентоспособность региона». Особенно важно рассмотрение вопросов регионального развития для Российской Федерации, имеющей федеративное государственное устройство, исторически сложившиеся сложные взаимоотношения между регионами, а также между Центром и регионами.

Конкурентоспособность регионов, которая в теории управления как отдельная категория появилась с недавнего времени, является достаточно новой и слабо изученной проблемой в отечественной экономической науке, поэтому опыт зарубежных стран в повышении и развитии конкурентоспособности является весьма ценным. Высокой ценностью обладает опыт стран и регионов Западной Европы (Анучин, 2005; Пилипенко, 2005), но не менее интересен опыт наших ближайших соседей из стран Центральной и Восточной Европы. Рассмотрим, какие подходы к решению проблемы регионального развития и конкурентоспособности используются в такой стране, как Польша.

С точки зрения вклада факторов конкурентоспособности в интегральный показатель конкурентоспособности между Российской Федерацией и Польшей существует принципиальная разница. В рейтинге конкурентоспособности стран, который составляется швейцарским Международным Институтом развития менеджмента (IMD), вклад правительства Российской Федерации в рост конкурентоспособности гораздо выше, чем вклад экономических факторов, то в Польше, наряду с Венесуэлой, Аргентиной и Италией, - обратная ситуация. В этих странах вклад

правительства в интегральный показатель конкурентоспособности значительно меньше вклада, обусловленного экономическим развитием. (Garelli, 2006). Таким образом, можно предположить, что конкурентоспособность Польши как страны обусловлена более качественным развитием экономических факторов, важнейшей составной частью которых является региональная экономическая эффективность и высокая региональная конкурентоспособность.

Однако одной из основных проблем при анализе региональной экономической эффективности и конкурентоспособности является вопрос выбора факторов, или детерминант конкурентоспособности, то есть тех экономических факторов, которые необходимо учитывать для оценки региональной эффективности.

При формировании интегрального показателя важнейшим решением является выбор системы факторов, которые в разных весовых пропорциях и будут составлять интегральный показатель. В.Коседовский (Kosiedowski, 2001, цит. по Регион на перекрестке..., 2003) для оценки региональной эффективности предлагает четыре группы региональных факторов:

1. экономическая эффективность, определяемая как совокупная эффективность хозяйственных субъектов, действующих в данном регионе;

2. общественная эффективность, понимаемая как способность региона к созданию благосостояния, определенного отношением жизненного уровня населения к имеющемуся в регионе потенциалу производства и услуг;

3. техническая эффективность, имеющая в виду оценку развитости технических и технологических факторов производства, в том числе и с точки зрения количества и видов ресурсов, необходимых для производства региональной продукции;

4. экологическая эффективность, описывающая степень воздействия

человека на окружающую природную среду.

При этом предлагаются показатели, которые позволят оценить количественно эти факторы:

- экономическая эффективность: региональное производство, региональный доход, трудовая занятость, основные средства, капиталовложения и т.д.;

- социальная эффективность – уровень безработицы, жилищный фонд, легковые автомобили, детская смертность, средняя продолжительность жизни, число жителей с высшим образованием и т.п.;

- техническая эффективность - доля высокотехнологичного производства, износ производственного оборудования, уровень соответствия производственных объектов, методов производства продукции и элементов технической инфраструктуры с научно обоснованными стандартами;

- экологическая эффективность - сравнение оценок компонентов природной среды.

Другая система факторов используется для создания рейтинга регионов. В нем учитывается пять основных факторов, каждый из которых формируется на основании нескольких субфакторов:

1. общая экономическая ситуация: доходы предприятий и жителей, относительная величина сектора услуг и сферы бизнеса;

2. хозяйственная активность жителей: количество частных фирм, уровень безработицы;

3. активность граждан: число неприбыльных организаций, участие в выборах, чтение книг и журналов;

4. качество инфраструктуры: насыщенность водопроводной и канализационной сети, количество и качество дорог, очистка жидких отходов, самоуправленческие инвестиции в местную инфраструктуру;

5. привлекательность города/региона как местожительства - баланс миграции и жилищного строительства.

Таким образом предложенные системы факторов для оценки конкурентоспособности и экономической эффективности польских регионов могут быть ценными для решения задач оценки экономической эффективности и конкурентоспособности регионов Российской Федерации.

1. Анучин А.А. Повышение конкурентоспособности региона (на примере Аррондисмана Гренобль, Франция) // Компаративный анализ отечественного и зарубежного опыта стратегического планирования развития регионов: материалы международной научно-практической конференции / под ред. И.Е. Рисина, Ю.И.Трещевского. – Воронеж, 2005.

2. Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве : теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск, 2005.

3. Регион на перекрестке Востока и Запада: глобализация и конкурентоспособность. Коллективная монография / Под научной ред. Н.Я.Калюжной, К.Л.Лидина, А.Я.Якобсона. – М., 2003.

4. Garelli S. The world competitiveness landscape in 2006 // www.imd.ch

5. Zarzadzanie rozwojem regionalnym i lokalnym / red. W. Kosiedowski. – Torun, 2001.

Игорь ДЕРБУЛОВ

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ И СУБРЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Основной и доминирующей чертой современной политики стран Центральной и Восточной Европы является стремление к «возврату в Европу», с которым не только политики, но и большинство населения

стран Центральной и Восточной Европы связывают надежды на лучшую жизнь, а самое главное на развитие демократии. Утверждение этой тенденции происходило под влиянием такого геополитического

фактора как наличие на Востоке Европы ослабленной постоянными политическими кризисами и экономическими проблемами России, которая является во многом непредсказуемым действующим актором европейской и мировой политики.

Уже в конце 80-х – начале 90-х годов XX века Советский Союз, а затем и Россия практически утратили свое влияние в регионе Центрально-Восточной Европы. Негативную роль сыграло и то обстоятельство, что после распада СССР и крушения всей социалистической системы резко изменился вектор внешней политики самой России, которая сделала ставку на приоритетное сотрудничество с евроатлантическим миром, игнорируя при этом достаточно успешно развивающиеся страны Центрально-Восточной Европы. При этом с геополитической точки зрения следует подчеркнуть тот факт, что именно расположенные в Центрально-Восточной Европе государства являются естественным связующим звеном между Востоком и Западом. Несовместимость их вынужденного в недавнем прошлом сотрудничества с «жестким» советским режимом и открывавшимися перед ними перспективами вхождения в западноевропейский мир определили их выбор в пользу Европы. Именно поэтому страны Центрально-Восточной Европы первоначально пошли по пути налаживания субрегиональных и региональных форм сотрудничества как промежуточного этапа на пути в «Большую Европу». При этом они исходили из того, что:

в рамках меньшей группы соседних государств существует естественная тенденция к объединению, которая базируется на гомогенности интересов, традиций и ценностей;

политическая, экономическая, социальная интеграция достигается в этом случае легче внутри ограниченного географического пространства, чем на глобальном уровне;

региональное экономическое сотрудничество обеспечивает

большую экономическую активность, чем отдельно взятое государство ЦВЕ; в рамках регионализма легче преодолеть гетерогенность политических, экономических, социальных и географических факторов, которые препятствуют глобальному единству;

с помощью процессов регионализма и интеграции страны Центрально-Восточной Европы смогли объединить усилия во всех сферах деятельности (политическая, экономическая, социальная и др.) для достижения наилучшего результата при построении демократических политических систем¹.

В течении 80-х-90-х годов XX века страны Центральной и Восточной Европы сделали практические шаги к преодолению раскола Европы посредством создания малых интеграционных группировок как переходных форм к общеевропейскому сотрудничеству. На этом пути они получали и продолжают получать реальную финансовую и иного рода экономическую помощь от Европейского Союза (а частности со стороны ФРГ, Франции, Великобритании), а также политическую поддержку, включая большие финансовые субсидии от Соединенных Штатов Америки. Из отдельно взятых европейских стран достаточно большую помощь в развитии стран Центрально-Восточной Европы оказывает Австрия, правительство которой рассматривает Венгрию, Чехию, Польшу Словакию и Словению как будущих потенциальных экономических партнеров. В частности известный австрийский политический обозреватель и эксперт **Генрих фон Озерштайн** в своей книге – «Austria and Central-Eastern European states: issues of interrelations» («Австрия и страны Центрально-Восточной Европы: проблемы взаимоотношений»), которая была опубликована в Нью-Йорке в 2004 году, считает, что «перспективы интеграции в европейские структуры стран Центральной и в особенности Восточной Европы во многом будут зависеть от того, насколько удачно они будут развивать свои политические, экономические и иного рода отношения

со своим ближайшим европейским соседом Австрией, что именно благодаря ее поддержке они смогут разрешить внутренние и межгосударственные проблемы, преодолеть экономические и социальные барьеры между Востоком и Западом Европы, наладить между собой конструктивное сотрудничество, в том числе и на многосторонней основе».²

Одной из самых первых попыток установить взаимодействие государств Центрально-Восточной Европы на субрегиональном уровне, независимо от их социального строя, темпов проведения процесса демократизации и экономических реформ стало объединение балканских стран, организационно оформленное в феврале 1993 года, когда в Будапеште состоялась встреча министров иностранных дел Венгрии, Болгарии, Румынии, Греции, Албании и Югославии – стран Юго-Восточной Европы. Встреча в Будапеште стала итогом более чем десяти лет подготовительных встреч и совещаний на разных уровнях, в ходе которых создавались условия для установления более тесных контактов, а также налаживания регионального сотрудничества в практических сферах. При этом важно подчеркнуть тот факт, что это был первый после Второй мировой войны эксперимент, при котором за одним столом собирались малые страны – представители противостоявших в прошлом друг другу военно-политических блоков. Известный профессор истории Европы XX века из Университета г. Мюнхен **Георг Ханс Мюллер** в своей книге – «The Central and Eastern Europe in the II-d part of 20-th century» («Центральная и Восточная Европа во II-й половине XX века»), которая была опубликована в Мюнхене (ФРГ) на английском языке в 2003 году, отмечает тот важный факт, что «для положения дел в балканском регионе всегда были характерны межнациональные и межгосударственные противоречия, поэтому можно констатировать, что на этом этапе участники многостороннего балканского сотрудничества смогли

добиться определенных позитивных сдвигов, используя общие улучшения международной обстановки в первой половине 90-х годов».³

Благодаря договоренности вышеуказанных стран не поднимать спорные вопросы сформировался и начал функционировать на различных уровнях механизм многостороннего взаимодействия в тех, либо иных практических сферах. В период с 1993 по 1995 годы в рамках межбалканского сотрудничества проводились регулярные встречи министров иностранных дел всех балканских стран, что придало самому процессу сотрудничества политический характер.

Американский аналитик – международник **Кевин Петцкович** справедливо подчеркивал, что «к созданию на Балканах более стабильной региональной системы сотрудничества могли бы привести два пути. Один из них – это предварительное разрешение существующих в регионе территориальных и этнических проблем. Другой путь предполагал приоритетное создание такой политической атмосферы в отношениях между странами, которая позволила бы на время отодвинуть территориально-этнические споры и укрепить мирный процесс в регионе».⁴

На встречи министров иностранных дел Венгрии, Болгарии, Румынии, Греции, Албании и Югославии в октябре 1994 года в Софии удалось достигнуть первичной договоренности по вопросам национальных меньшинств. В заключительном документе встречи подчеркивалось, что меньшинства имеют право «сохранять и развивать этническое, культурное, языковое и религиозное многообразие, но действуя в рамках национальных конституций тех государств, где они проживают».⁵

Однако распад СФРЮ и целая серия конфликтов на ее бывшей территории не только изменили карту Балканского полуострова, но и самым качественным образом сказались на характере межгосударственных и

международных отношений в регионе.

Сложившееся к середине 90-х годов многостороннее сотрудничество балканских государств прервалось также и потому, что после преодоления блокового противостояния в Европе были полностью исчерпаны его первоначальные цели. В результате крушения коммунистических режимов и установления демократических систем, большинство балканских государств избрали линию на вступление в Европейский Союз и НАТО. Это и определило новый характер и структуру их взаимодействия во второй половине 90-х годов XX века.

Наиболее заметным шагом на пути к созданию новых форм сотрудничества в балканском регионе стало принятие в июне 1999 года по инициативе Европейского Союза «Пакта Стабильности для балканского региона». В тексте «Пакта Стабильности» было подчеркнуто, что решающим условием для реализации содержащихся в нем положений должно стать последовательное и окончательное урегулирование балканского конфликта. Тем не менее конфликт на Балканах не остановил намерения балканских государств интегрироваться в Европу. На общеевропейской встрече в г. Сараево, которая состоялась 30-31 июля 1999 года был принят документ, в котором отмечалось следующее: «Мы будем сотрудничать в целях дальнейшей интеграции Юго-Восточной Европы в единое европейское пространство, в котором границы останутся нерушимыми, но не будут больше разделять, а откроют новые возможности для контактов и кооперации».⁶

Следующим важным шагом в этом направлении является конференция в г. Бухаресте, которая состоялась в феврале 2000 года. В этой конференции приняли участие премьер-министры Греции, Болгарии, Венгрии, Румынии, Македонии и Турции, а также в качестве наблюдателей представители Боснии и Хорватии. Участники конференции в Бухаресте подписали документ – «Хартия добрососедства,

стабильности, безопасности и сотрудничества», которая рассматривается как первый многосторонний политический документ, провозгласивший намерение превратить Балканы в «регион мира и стабильности» («to make The Balkans - the region of peace and stability»)⁷. Хартия открыта для ее подписания другими странами региона. В соответствии с ее условиями, подписавшие Хартию государства проводят ежегодные встречи на уровне глав правительств и министров иностранных дел, а в перерыве между встречами собирается комиссия в составе пяти председателей прошедших и будущих встреч.

Однако совершенно очевидно, что такого рода акции, даже подкрепленные конкретными политическими рекомендациями о понижении таможенных барьеров и создании на Балканах зоны свободной торговли, сами по себе не являются достаточными для разрешения некоторых весьма сложных экономических и политических проблем. По мнению известного американского профессора политики из Университета Массачусетса (США) **Уоррена С. Лебовски** «до формирования в регионе структур открытого и свободного демократического общества, и создания механизма конструктивного сотрудничества, странам Юго-Восточной Европы предстоит пройти длительный путь, и преодолеть его будет возможным только с учетом специфики исторического, политического, социального и экономического развития всех государств, входящих в данный регион».⁸ В качестве примера для подражания Уоррен Лебовски указывает на Польшу, Чехию и Венгрию, в которых процессы демократизации, включая проведение резких радикальных демократических реформ в политической, экономической, социальной и других сферах проходят достаточно быстрыми темпами не только благодаря усилиям правительств этих стран, но и во многом благодаря прочным взаимоотношениям, и

взаимопомощи между этими государствами.

По мнению другого американского аналитического эксперта по проблемам развития стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы **Гилберта Шазарона** «основным условием стабильности и сотрудничества в регионе является соблюдение его участниками принципа нерушимости границ, ибо стабильное развитие региона не только Юго-Восточной, но и всей Центрально-Восточной Европы прямо зависит от сохранности современных границ, а попытки их пересмотра приведут к непредсказуемым результатам».⁹

Государства Юго-Восточной Европы активно участвуют также и в других субрегиональных группировках, примыкающих к балканскому региону или расположенных вблизи от него. Так пять стран Юго-Восточной Европы – Греция, Болгария, Румыния, Албания и Хорватия являются членами Организации Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС). Взаимосвязанность интересов стран черноморского и балканского регионов повлекла за собой заинтересованность всех, в том числе и внебалканских стран-участниц ОЧЭС в реализации Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, о чем было заявлено в документах ОЧЭС, подписанных государствами-членами в ноябре 1999 года.

Достаточно успешно в свое время развивалась и так называемая «Вышеградская группа», которая была сформирована еще в начале 90-х годов XX века в Вышеграде (Венгрия) в ходе встречи президентов Венгрии, Польши, Чехии и Словакии. Именно во многом благодаря усилиям «Вышеградской группы» произошло расформирование военной организации Варшавского Договора. Во время трехсторонней встречи в Вышеграде президенты Польши, Чехии и Словакии смогли достигнуть следующих основных договоренностей: о координации действий в области внешней политики и укреплении отношений с европейскими

институтами и международными организациями;

о взаимодействии между тремя странами в сфере безопасности на случай агрессии со стороны России; об укреплении экономических связей и установлении взаимовыгодных торговых отношений; о дальнейшем сотрудничестве между государствами в следующих сферах: права человека и национальных меньшинств; экология; энергетика; инфраструктура и информация.¹⁰

В последующий период деятельности «Вышеградской группы» – Польши, Чехии и Словакии удалось получить дипломатические гарантии от стран Западной Европы о предоставлении ими необходимой помощи на случай возрождения тоталитарных структур в России и ее агрессии против вышеуказанных государств. На всех этапах своего взаимодействия страны «Вышеградской группы» уделяли большое внимание развитию экономических связей и развитию регионального экономического сотрудничества. По их инициативе 1 марта 1993 года был принят Договор о создании в Центрально-Восточной Европе Зоны свободной торговли – «Central European Free Trade Agreement» (CEFTA), который предусматривал устранение всех торговых барьеров и приближение к режиму торговли, действующему в Европейском Союзе. Помимо стран-учредителей ЦЕФТА Польши, Венгрии, Чехии и Словакии – в 1996 году в ЦЕФТА были приняты Словения, Болгария и Румыния, а страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония) получили при организации «специальный статус».

В 1997-1998 годах сотрудничество в рамках «Вышеградской группы» приобрело характер ежегодных встреч премьер-министров Чехии, Польши, Венгрии и Словакии, на которых обсуждались вопросы их межгосударственного сотрудничества, результаты переговоров об интеграции в ЕС, а также стратегические проблемы Центральной Европы. Следует

отметить тот важный момент, что на встрече премьер-министров в Братиславе в мае 1999 года было принято решение об учреждении Международного Вышеградского Фонда, договор о создании которого был подписан 10 июня 2000 года в г. Прага (Чехия). Ежегодный бюджет Международного Вышеградского Фонда составляет – 2,5 млн. евро.¹¹

Достаточно интересной и наиболее стабильной интеграционной группировкой является форма сотрудничества – **Центрально-Европейская Инициатива (ЦЕИ)**, которая объединила большинство стран ЦВЕ и государств балканского региона. В настоящее время Центрально-Европейская Инициатива объединяет 15 государств региона – Австрию, Венгрию, Италию, Боснию, Польшу, Словакию, Словению, Чехию, Хорватию, Албанию, Болгарию, Румынию, Украину и Молдову. Руководящие органы и штаб-квартира ЦЕИ расположены в **Вене (Австрия)**, где создан **Институт Подунавья и Средней Европы**. Организационными формами работы ЦЕИ стали ежегодные встречи глав государств и правительств, а также собиравшиеся дважды в год встречи министров иностранных дел. Кроме того, ЦЕИ создала рабочие группы по различным направлениям сотрудничества, так ЦЕИ имеет своих представителей в **ОБСЕ, Совете Европы, ООН**, и некоторых других международных, межправительственных организациях.¹²

Конституированию ЦЕИ как международно-признанной организации, ассоциированной с Европейским Союзом предшествовал ряд этапов, на которых отрабатывались институциональные и практические формы сотрудничества. Еще в ноябре 1990 года в Будапеште состоялась встреча министров иностранных дел Италии, Австрии, Венгрии и бывшей республики Югославии, где было объявлено о создании «Дунайско-Адриатического Сообщества». Позднее к Сообществу присоединились Польша, Чехия и Словакия, поэтому в разные времена в

зависимости от количества членов Сообщества, эта же группировка называлась «пентагональ» или «гексагональ». Первоначальными и основополагающими целями «Дунайско-Адриатического Сообщества» были: дальнейшее улучшение обстановки в Центрально-Восточной Европе, развитие, а также распространение ценностей парламентской демократии и уважения прав человека.

Организация Центрально-Европейская инициатива («Дунайско-Адриатическое Сообщество») внесла свой достаточно значимый вклад в развитие интеграционных процессов в регионе Центрально-Восточной Европы и включению этих стран в общеевропейский интеграционный процесс со странами Европейского Союза. Так во время, проходившей в августе 1996 года на острове Сан-Джорджо (Венеция) присутствовали главы правительств, министры иностранных дел и министры экономики Италии, Австрии, Чехии, Словакии и Югославии, где была принята «Политическая декларация», определившая место группировки в европейском мире и ее приоритетные цели. Среди основных аспектов сотрудничества стран-участников ЦЕИ были:

- общность экономических интересов в сфере промышленности и сельского хозяйства;
- решение проблем экологии и ядерной энергетики;
- необходимость скорейшей реализации транспортных проектов «Север-Юг»;
- дальнейшее развитие демократического процесса, защита прав и свобод человека¹³.

На встрече глав правительств стран ЦЕИ в Триесте, а также встречах министров иностранных дел в Вене (июнь – июль 1998г.) и Сараево (июнь 1999г.) в связи с военными действиями, которые проходили в рамках гуманитарной операции на территории Югославии, существенное внимание было уделено проблемам безопасности в регионе. В частности, обсуждались пути стабилизации обстановки на Балканах, вступление

некоторых стран ЦЕИ в НАТО, необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия стран ЦВЕ и их более тесного сотрудничества с Европейским Союзом. В частности, на встрече министров иностранных дел ЦЕИ на острове Бриони (июнь 2000 года) – представители Италии и Австрии высказывались за начало непосредственных переговоров Европейского Союза со странами-кандидатами, членами ЦЕИ. Таким образом, деятельность ЦЕИ была направлена на постепенное создание необходимых предпосылок для последующей интеграции входящих в нее стран в структуры Европейского Союза.

По мнению одного из влиятельных американских политических экспертов, директора Управления по Европе и европейским делам Государственного Департамента Соединенных Штатов Америки Дэвида Майерса – «характерной чертой Центрально-Европейской Инициативы является то, что ее участники рассматривают ее не как еще одну международную организацию, но как одну из форм регионального сотрудничества. Как таковая, она не имеет органов управления и других необходимых атрибутов международной организации, а возникающие вопросы решаются в ходе ежегодных встреч премьер-министров и дважды в год – министров иностранных дел. Тем самым, ЦЕИ – это организация рассчитанная на временное существование, целью которой является решение текущих

проблем стран ЦВЕ, среди которых основной является скорейшая интеграция стран Центральной и Восточной Европы в Европейский Союз»¹⁴.

В целом вышесказанное свидетельствует о том, что ЦЕИ от протокольных встреч на высшем уровне и принятия декларативных заявлений постепенно перешла к осуществлению практического сотрудничества, цель которого – способствовать решению главной задачи стран ЦЕИ: подъему экономического, социального и технологического уровней, а также ускорению процессов демократизации региона. В соответствии со статьей, которая была подготовлена и опубликована коллегией политических обозревателей из газеты «The New York Times» - «международное, региональное и субрегиональное сотрудничество, представляя собой одну из многообразных реалий современного мира, стало на протяжении последнего десятилетия характерной чертой взаимодействия государств значительной части европейского континента и прежде всего, стран Центральной и Восточной Европы. Относительная стабильность созданных в этом регионе объединений, наиболее результативным из которых стала Центрально-Европейская инициатива (ЦЕИ), была определена потребностями совместного с западноевропейскими структурами решения задач переходного периода»¹⁵.

1. The Strategy for Eastern and Central Europe integration: visions and arguments. – N.Y., 1995.
2. Ozerschtainn F. H. Austria and Central-Eastern European states: issues of interrelations / H. fon Ozerschtainn. – New York, 2004.
3. Müller G.H. The Central and Eastern Europe in the II-nd part of 20-th century / G.H. Müller. – München, 2003.
4. Pettzkovic K. Security in the Balkans: the peace-process and stabilization / K. Pettzkovic // Review of International Affairs. – Boston, 2000.

5. The World Observer and Foreign Affairs. – Washington, 1995. – Vol. 21.
6. Ibidem...
7. Ibidem...
8. Lebovsky W.S. The history of Eastern and Central Europe democratization / W.S. Lebovsky. – Massachusetts University, 2004.
9. Shazaron G. The security and stability in South-Eastern and Central Europe / G. Shazaron. – N.Y., 2003.
10. The World Observer and Foreign Affairs, volume 25. – Washington, 1999.
11. Ibidem...
12. Ibidem...

13. The Central European Initiative Organization: prospects of development//General report for The UN Economic and Social Council. – (New York) United Nations press, 1997.

14. Mayers D. Europe and Globalization process / D. Mayers. – Washington D.C., 2004.

15. The New York Times. - 30. III. 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Анучин – преподаватель, Воронежский государственный университет, Россия

Дмитро Бондаренко – к.и.н., Европейский Университет, Одесса, Украина

Игорь Кашу – к.и.н., Институт Истории Национальной Академии Наук Молдовы, Кишинев, Республика Молдова

Максим Кирчанов – к.и.н., Воронежский государственный университет, Россия

А.Г.Цымбал – к.и.н., БГПУ, Республика Беларусь, г. Минск

Научное издание

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Выпуск 4.
ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

На русском, украинском и английском языках

Оригинал-макет: М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский проспект, 88

Тираж: 100